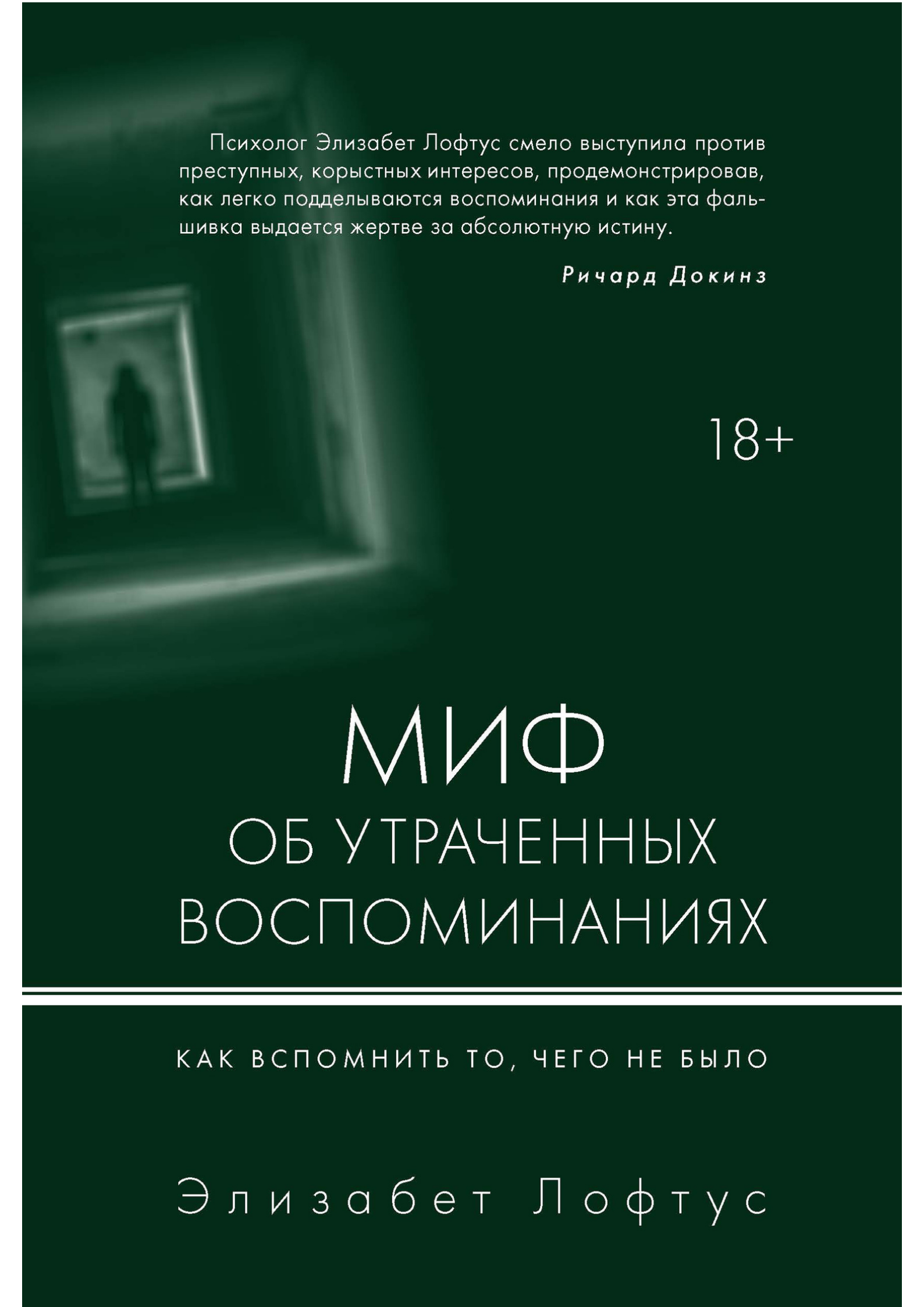

Психолог Элизабет Лофтус смело выступила против преступных, корыстных интересов, продемонстрировав, как легко подделываются воспоминания и как эта фальшивка выдается жертве за абсолютную истину.

Ричард Докинз

18+

МИФ ОБ УТРАЧЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

КАК ВСПОМНИТЬ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Элизабет Лофтус

Элизабет Лофтус

**Миф об утраченных
воспоминаниях. Как
вспомнить то, чего не было**

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 159.953
ББК 88.3

Лофтус Э.

Миф об утраченных воспоминаниях. Как вспомнить то, чего не было / Э. Лофтус — «Азбука-Аттикус», 1994

ISBN 978-5-389-13308-2

«Когда человек переживает нечто ужасное, его разум способен полностью похоронить воспоминание об этом в недрах подсознания – настолько глубоко, что вернуться оно может лишь в виде своеобразной вспышки, “флешбэка”, спровоцированного зрительным образом, запахом или звуком». На этой идее американские психотерапевты и юристы построили целую индустрию лечения и судебной защиты людей, которые заявляют, что у них внезапно «восстановились» воспоминания о самых чудовищных вещах – начиная с пережитого в детстве насилия и заканчивая убийством. Профессор психологии Элизабет Лофтус, одна из самых влиятельных современных исследователей, внесшая огромный вклад в понимание реконструктивной природы человеческой памяти, не отрицает проблемы семейного насилия и сопереживает жертвам, но все же отвергает идею «подавленных» воспоминаний. По мнению Лофтус, не существует абсолютно никаких научных доказательств того, что воспоминания о травме систематически изгоняются в подсознание, а затем спустя годы восстанавливаются в неизменном виде. В то же время экспериментальные данные, полученные в ходе собственных исследований д-ра Лофтус, наглядно показывают, что любые фантастические картины в память человека можно попросту внедрить. «Я изучаю память, и я – скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики – корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования». (Элизабет Лофтус)

УДК 159.953

ББК 88.3

ISBN 978-5-389-13308-2

© Лофтус Э., 1994

© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Вступление	7
1	8
2	10
3	14
4	24
5	33
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Элизабет Лофтус, Кэтрин Кетчем

Миф об утраченных воспоминаниях.

Как вспомнить то, чего не было

© Elizabeth Loftus and Katherine Ketcham, 1994

© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

*Посвящается научным принципам, которые требуют, чтобы
любые притязания на «истину» сопровождались доказательствами*

Эта книга, безусловно, вызовет много споров: сторонники теории вытесненных воспоминаний увидят в ней кощунство, другие станут аплодировать той рассудительности и сдержанности, с которой автор подошла к столь деликатной теме.

Kirkus Reviews

Описания «терапевтических» методов, используемых для восстановления воспоминаний, представляют собой пугающее обвинение в адрес представителей этой расцветшей буйным цветом индустрии.

The New York Times Book Review

Вступление

Собирая информацию для этой книги, мы побеседовали с сотнями людей – обвинителями и обвиняемыми, психотерапевтами, адвокатами, психологами, психиатрами, социологами, криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов. Мы прочли тысячи страниц академической и научно-популярной литературы и статей на тему памяти, психотерапии, психологических травм и способов от них оправиться. Истории, описанные в этой книге, основаны на воспоминаниях людей, в жизни которых произошли различные драматические события, а также на наших собственных воспоминаниях об этих историях. Некоторые сцены и разговоры мы представили в виде диалогов, чтобы нагляднее передать важные идеи или упростить повествование, некоторые письма и прочие текстовые материалы мы перефразировали (в особенности письма Меган Паттерсон в главе 10), а тексты судебных протоколов и показания свидетелей – местами отредактировали, чтобы сделать материал более простым для чтения и понимания.

Мы старались избегать влияния типичных предрассудков и опираться на известные и не подлежащие сомнению факты, тем не менее наша интерпретация событий прошлого наверняка содержит неточности. Хотя во время работы над книгой мы всеми силами стремились к балансу и справедливости суждений, мы могли неправильно вспомнить или по ошибке неточно воспроизвести некоторые факты. Мы заранее приносим извинения за любые искажения воспоминаний, оставшиеся после всех стадий редактуры и доработки, которые включает в себя процесс написания и публикации книги. Надеемся, что читатели нас поймут и простят.

Имена некоторых людей были изменены по их просьбе для сохранения конфиденциальности. В таких случаях имя при первом упоминании выделяется курсивом.

Ну и наконец, мы выражаем благодарность и отдаем дань уважения многочисленным талантливым и преданным своему делу психотерапевтам, которые помогают жертвам incestа и сексуального насилия справиться с последствиями полученной травмы и научиться жить с долговременными воспоминаниями о ней. Они, без сомнения, поймут, что наша цель – не забросать психотерапию обвинениями, а показать, каковы ее слабые стороны и что можно улучшить, чтобы более эффективно помогать тем, кто обращается к специалистам за помощью в решении своих проблем. Мы – не психотерапевты, и любая высказанная нами критика основана на собранной нами информации и нашем собственном опыте в области изучения памяти.

Мы просим наших читателей помнить о том, что эта книга – не рассуждение о том, насколько реально или ужасно насилие над детьми и incest.

Эта книга – рассуждение о памяти.

Проктор. От посторонних глаз можно спрятать даже дракона с пятью головами. Но ведь его никто не видел.

Пэррис. Ваше превосходительство, мы как раз и собрались здесь для того, чтобы обнаружить то, чего никто не видел.

Артур Миллер. Суровое испытание¹

¹ Здесь и далее эта пьеса цитируется в переводе Ф. М. Крымко и Н. Г. Шахбазова.

1

Ткань наших снов

И мы сами, и реальность, в которой мы живем, – это реальность нашей психики, представляющая собой лишь (обратите внимание на это унижительное «лишь») продукт поэтического воображения, ни на секунду не перестающего работать. Мы и впрямь живем во времени сновидений, мы и впрямь сотканы из ткани наших снов.

Джеймс Хиллман. Мы потратили сотню лет на психотерапию, а мир стал только хуже (We've Had a Hundred Years of Psychotherapy – And the World's Getting Worse)

Ширли Энн Соуза была идеальным ребенком – «самой милой, чудесной, прекрасной девочкой на свете», как вспоминает ее мать. В старших классах Ширли Энн играла в команде по софтболу и была капитаном команд по баскетболу и волейболу. Она состояла в Национальном обществе почета² и окончила школу, заняв девятнадцатое место в своем выпуске по количеству баллов.

После выпуска Ширли Энн устроилась работать в психиатрическую клинику и пошла учиться на фармацевта. Позднее, в возрасте двадцати одного года, она была жестоко изнасилована. После нападения ее оценки резко ухудшились. Она перевелась в другой университет, поближе к дому, и родители купили ей машину, чтобы она могла навещать их по выходным. Меньше чем через год, летом 1988-го, на Ширли Энн снова напал насильник, а в августе 1989-го он был обвинен в применении физического насилия и нанесении побоев и приговорен к полутора годам тюремного заключения.

Сеансы психотерапии, казалось, помогали Ширли Энн справляться с чувством горя и ярости, но ее мучили непрекращающиеся кошмары. В этих ужасных снах над ней надругалась ее мать, у которой был пенис, ее брат принуждал ее заниматься с ним сексом, а отец – насиловал сзади распытием. С помощью своего психотерапевта Ширли Энн попыталась проанализировать и истолковать эти кошмары. Однажды утром в июне 1990 года она, в порыве внезапного и шокирующего озарения, поняла, что именно пытались сообщить ей сны: ее родители насиловали ее, когда она была ребенком, и в попытке защититься она подавила воспоминания об этом. Ширли Энн немедленно позвонила своим сестрам – родной и сводной, и стала умолять их держать детей подальше от бабушки с дедушкой – Реймонда Соузы, вышедшего на пенсию монтера, работавшего в компании Massachusetts Electric, и Ширли Соузы, которая работала медсестрой.

Страх стал распространяться, словно чернила, пролитые на промокательную бумагу. Ширли Энн, ее сестра Шерон и сводная сестра Хизер прочли книгу Элен Басс «Мужество исцеления: руководство для женщин, переживших сексуальное насилие в детстве» (The Courage to Heal). Как они узнали, «если вы не помните, как вас насиловали, вы не одиноки». «Многие женщины ничего об этом не помнят, и некоторые не вспомнят никогда. Это не значит, что они не были жертвами насилия».

Опросники и списки симптомов подтвердили их опасения. Встревожившись, они поговорили со своими детьми и повели их к психотерапевтам, чтобы поставить диагноз и назначить лечение. В ноябре 1990 года психотерапевт пятилетней Синди заметил, что информация, которую сообщала девочка, «повторялась и была несколько запутанной...», и сделал вывод,

² Национальное общество почета (National Honor Society) – организация в США, в которую входят хорошо успевающие ученики. – Прим. перев.

что «присутствует давление со стороны матери». Спустя несколько недель мать Синди сменила психотерапевта и повела дочь к специалисту по проблемам сексуального насилия над детьми. На первом же сеансе терапевт поставил Синди диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» – классический признак пережитого сексуального насилия. Когда четырехлетней *Нэнси* стали сниться кошмары с пугающими существами, в которых она узнала своих бабушку с дедушкой, девочка стала ходить на сеансы к тому же психотерапевту.

На основе воспоминаний, описанных их детьми и внуками, Реймонду и Ширли Соуза были предъявлены обвинения. Прокурор сразу же предложил им следующее: если они согласятся признать свою вину, их освободят без тюремного срока. Супруги Соуза отказались, и была назначена дата слушания.

Во время судебного заседания, которое проходило почти через три года после того, как Ширли Энн начали сниться кошмары, Нэнси рассказала, что бабушка с дедушкой заставляли ее трогать их гениталии, «целиком засовывали ладонь» в ее влагалище и даже засовывали в него «свою голову». Она описала механизм размером с комнату, которым ее бабушка с дедушкой управляли, нажимая на какую-то кнопку. У этого механизма были руки, которые «делали ей больно». Согласно показаниям Синди, ее бабушка и дедушка засовывали пальцы в ее влагалище и анус, сажали ее в огромную клетку в подвале, заставляли пить отвратительное зеленое зелье и угрожали, что воткнут ее матери в сердце нож, если она кому-нибудь расскажет.

Несмотря на полное отсутствие вещественных доказательств, 12 февраля 1993 года суд вынес приговор Реймонду и Ширли Соуза (каждому из них на тот момент был 61 год) за множественные случаи сексуального насилия, посягательства на половую свободу и побои. Если их апелляция будет отклонена, они проведут от девяти до пятнадцати лет в тюрьме из-за воспоминаний, которых не существовало до тех пор, пока взрослой женщине не приснился плохой сон.

2

Странное время

Тревожно наше время, сэр. Никто уже не имеет права сомневаться, что силы тьмы завладели Сейлемом. Слишком много доказательств. Вы согласны, сэр?

Артур Миллер. Суровое испытание (слова преподобного Джона Хейла)

Зачастую величайшим врагом правды оказывается вовсе не ложь – преднамеренная, продуманная и бесчестная, а миф – живучий, убедительный и эфемерный.

Джон Кеннеди

Я – психолог-исследователь, и всю свою жизнь посвятила изучению памяти. Вот уже двадцать пять лет я провожу лабораторные исследования, курирую студентов магистратуры, пишу книги и статьи, путешествую по миру, посещая конференции и делая выступления. На моем счету много исследовательских работ с заголовками вроде «Искажения воспоминаний под воздействием ложной информации», «Концептуальный анализ механизмов обработки информации в человеческом мышлении» и «Эффект дезинформации: изменения воспоминаний, спровоцированные информацией, полученной после запоминания произошедшего события».

Я считаюсь довольно авторитетным специалистом в том, что касается гибкости нашей памяти. Я сотни раз давала показания во время судебных слушаний, когда судьба человека зависела от того, поверят ли присяжные свидетелям, которые устремляют на обвиняемого ука-зующий перст: «Это он. Я его видел. Он это сделал». Я встаю за свидетельскую кафедру и пере-сказываю известные мне научные истины, предупреждая судей, что наша память нестабильна и крайне подвержена внешнему влиянию, что она подобна панорамной грифельной доске, на которой можно бесконечно писать, раз за разом стирая написанное. Я стараюсь впечатлить присяжных, рассказывая о том, как уязвим наш разум, насколько он по своей природе подвер-жен внешнему воздействию. Я придумываю метафоры, стараясь как можно лучше передать суть. «Представьте, что ваш разум – это чаша, наполненная чистой водой. Теперь вообразите, что каждое воспоминание – это чайная ложка молока, которое смешивается с водой. В мозге любого взрослого человека хранятся тысячи таких смутных молочных воспоминаний... Кто из нас сумел бы отделить воду от молока?»

Эта метафора мне особенно нравится, поскольку она опровергает распространенное представление о том, что воспоминания якобы хранятся в определенной части мозга, словно компьютерные диски или хрустящие папки из желтой бумаги, тщательно рассортированные и уложенные в картотечный ящик. Воспоминания не лежат в одном месте, терпеливо ожидая, когда их оттуда вытащат. Они дрейфуют по разуму человека скорее как облака или пар, а не как нечто осязаемое. Хотя ученые не любят использовать слова вроде «дух» или «душа», я должна признать, что воспоминания в большей степени принадлежат сфере духовного, чем к физической реальности. Перистые и слоистые облака воспоминаний существуют – как ветер, или дыхание, или поднимающийся пар, но если попытаться потрогать их, они растворяются в воздухе и исчезают¹.

Такой взгляд на память оказалось нелегко популяризировать. Нам дорого наше прошлое, ведь люди, места и события, хранящиеся, словно святыни, в храме нашей памяти, формируют и определяют то, что мы называем своим «я». Если мы признаем, что наши воспоминания – это капли молока, смешивающиеся со снами и фантазиями, то как же мы сможем и дальше

притворяться, будто знаем, что на самом деле реально, а что – нет? Кто из нас готов поверить, что наша связь с реальностью столь условна, а сама реальность непостижима? Но ведь мы знаем о ней только по своим воспоминаниям, которые так ненадежны.

Нет, все это слишком смахивает на научную фантастику, какие-то фокусы-покусы, какую-то магию... а мы, люди, предпочитаем иметь дело с реальным, физическим, материальным. Мы хотим, чтобы у нас под ногами была надежная земная твердь, и пускаем толстые корни в мягкую почву истории, оплетая ими то, что мы называем правдой. От всякой неоднозначности нам не по себе.

Я знаю, почему моя работа вызывает у людей протест, какие страхи и предрассудки лежат в основе этой неприязни. Я знаю, почему люди предпочитают поверить свидетелю, который говорит: «Он это сделал. Это был он». Я с пониманием отношусь к потребности человека *обладать* прошлым, то есть превращать его в собственную правду. У меня есть и свои причины желать, чтобы прошлое было стабильным и недвижимым, а не утекало из-под ног, словно зыбучие пески.

Но память снова и снова поражает меня своей ошеломительной доверчивостью, своей готовностью подобрать мелок внушения и закрасить темный уголок прошлого, без каких-либо возражений отдать старый, потрепанный лоскуток воспоминаний в обмен на новый, блестящий кусочек, благодаря которому все становится чуть ярче, чуть чище и аккуратнее. В ходе моих экспериментов, в которых за более чем двадцать лет поучаствовали тысячи людей, я проделывала удивительные вещи с их памятью: они вспоминали несуществующие разбитые стекла и магнитофоны, вспоминали усы у чисто выбритого человека и кудри – у человека с прямыми волосами, вспоминали знак «уступи дорогу» вместо знака «стоп» и молоток – вместо отвертки, вспоминали сарай – довольно заметное сооружение – на фоне пасторального пейзажа, где на самом деле не было никаких построек. Мне даже удавалось внедрить в память испытуемым ложные воспоминания о людях, которых никогда не существовало, или о событиях, которые никогда не происходили.

Все эти усилия позволили мне создать новую парадигму памяти, отойдя от привычной модели видеопроигрывателя, в рамках которой воспоминания интерпретируются как абсолютная истина, и противопоставить ей реконструктивную модель, в рамках которой они интерпретируются как творческое соединение фактов и вымысла. Мне удалось изменить мнение некоторых людей, помочь безвинно осужденным избежать тюремного срока, вдохновить людей на новые исследования и спровоцировать несколько жарких споров. Вот какими были мои планы на жизнь: работать не покладая рук, разрабатывать исследования, завоевывать гранты, выступать, обучать магистрантов – и все это в надежде, что проделанная мной работа вселит в людей любопытство и интерес к процессу образования воспоминаний и поспособствует распространению здорового скептицизма по поводу того, может ли быть какое-либо воспоминание, или даже небольшой его отрывок, абсолютно правдивым.

Однако недавно весь мой мир перевернулся с ног на голову. Я вдруг осознала, что, пока я тут и там сыплю аббревиатурами вроде ДРИ, РМЛ, ПТСР, СРН, DSM-IV³, мои коллеги смотрят на меня озабоченно и удивленно. Мне приходится отвечать на письма с угрозами и защищать свой труд от растущего количества все более враждебной критики. Мои подруги-феминистки обвиняют меня в предательстве. Коллеги-профессора открыто интересуются, не отказалась ли я от научных методов.

Пока заявки на получение грантов копятся в углах моего безнадежно захламленного кабинета, я провожу день за днем, разговаривая по телефону с незнакомцами, обвиненными

³ Диссоциативное расстройство идентичности, расстройство множественной личности, посттравматическое стрессовое расстройство, сатанинское ритуальное насилие, IV издание Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (публикуется Американской психиатрической ассоциацией). – *Прим. перев.*

в самых омерзительных преступлениях, какие только можно себе представить. Они шлют мне длинные, эмоциональные письма, рассказывая о самых интимных деталях своей жизни. Их письма начинаются, казалось бы, заурядно:

«Моя семья – на грани распада».

«У меня очень серьезная проблема».

«Мне крайне необходимо побольше узнать о ваших исследованиях».

Но последующие абзацы быстро раскрывают истинные масштабы катастрофы.

«За неделю до того, как мой муж скончался после восьми месяцев борьбы с раком легких, – пишет женщина из Калифорнии, – наша младшая дочь (ей 38 лет) заявила, что он ее насиловал, а я ничего не сделала. Это разбило мне сердце, ведь это *полнейшая ложь*».

«Мне семьдесят пять лет, перед тем как выйти на пенсию, я работал акушером, – пишет мужчина из Флориды, – и моя сорокадевятiletняя дочь хочет отсудить у меня миллион долларов, заявляя, что я насиловал ее в раннем детстве и подростковом возрасте».

«Четыре года назад наша двадцативосьмилетняя дочь внезапно и без всяких причин обвинила нас в том, – пишет женщина из Мэриленда, – что мы подвергали ее сексуальному насилию и принуждали к инцесту, в частности, что ее насиловал отец, когда ей было три месяца, что я много раз насиловала ее в очень раннем возрасте и что над ней неоднократно надругался один из ее двух братьев. Это сущий кошмар, мне кажется, будто разум моей дочери подменили, что это какой-то другой человек».

«Пожалуйста, помогите нам, – пишет женщина из Канады. – Мы были нормальной, заботливой семьей, и хотим снова стать нормальными».

Мужчина из Техаса пишет следующее: «Наш младший сын учится в семинарии, и в рамках обучения он прошел интенсивный двухнедельный курс психологических консультаций. Вскоре после этого он обвинил меня и мою жену в том, что мы не защитили его от сексуального насилия, и более того – насиловали его сами. Он говорит, что воспоминания об этом всплыли в его памяти, как пузырьки воздуха».

Каждая из этих историй – а их у меня сотни – началась с того, что некий взрослый человек зашел в кабинет психотерапевта, ища помощи в преодолении жизненных проблем. В каждой из этих историй присутствуют обнаруженные во время сеансов терапии воспоминания о сексуальном насилии, которому человек якобы подвергся в детстве. В каждой из этих историй человек ничего подобного не помнил, пока не начал посещать сеансы. И в каждой из этих историй трагически распадается чья-то семья.

Я кладу телефонную трубку, убираю письма в папки и откидываюсь на спинку стула, глядя в окно и гадая, как люди выносят такие страдания, должно ли это быть частью моей работы и где найти время, чтобы заняться всеми просьбами. «У вас есть какая-либо дополнительная информация или данные о том, как помочь семье вроде нашей?» – интересуются авторы писем. «Может быть, вы знаете о каких-нибудь группах поддержки, где оказывают помощь родителям, чей ребенок хоть и жив, но все равно что умер?» «Может быть, у вас есть какая-нибудь литература, в которой рассказывается о феномене ложных воспоминаний?» «Куда нам обратиться, кто может помочь нам, как это случилось?»

Раньше я представляла себе время как твердую, незыблемую реальность – час на то, чтобы прочесть статью в научном журнале, три – чтобы написать отзыв, полтора часа на семинар, три дня на конференцию, два – на судебное слушание. Но теперь время утекает сквозь пальцы и меня с головой накрывает волна чужого горя и просьб о помощи.

* * *

Если бы я только знала, какой станет моя жизнь – исступленные мольбы по телефону, слезные признания, параноидальные теории заговора, жуткие истории о сатанинском сексу-

альном насилии, пытках и даже убийствах – быть может, я предпочла бы поскорее скрыться за безопасными стенами своей лаборатории? Нет. Ни за что. Ведь мне повезло оказаться в самом центре одной из великих драм нашего века, наполненной такими страстями и муками, что куда там древнегреческой трагедии. Разве не поражают воображение эти истории о гипнотическом трансе, о садистских ритуалах и кровавых жертвоприношениях? В подобной драме Эдип мог бы взойти на сцену и почувствовать себя как дома, и то же можно сказать про Медею, Гамлета, Макбета. А также преподобного Самуэля Пэрриса, Джона Проктора, Абигаиль Уильямс и прочих обвинителей и обвиненных из Сейлема. Зигмунд Фрейд и Карл Юнг нашли бы предостаточно материала для своей работы в этих историях об инцесте, похоти и запретных желаниях.

Марк Твен однажды сказал: «История не повторяется, она рифмуется». А по словам Гегеля – того еще пессимиста, – «история учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». То, что происходит сейчас, в последнее десятилетие XX века, уже происходило раньше, в других культурах и в другое время. Это великое повествование складывается из отдельных частей, но остается чем-то большим, чем их сумма. И оно поднимает вопросы, которые преследуют людей уже не одну тысячу лет.

Современная психотерапия свела главный вопрос – «Кто я?» к другому вопросу – «Как я стал таким?». Многие психотерапевты говорят, что, если мы хотим понять, кто мы и почему мы такие, нам следует вернуться в детские годы и выяснить, что происходило с нами в то время. Если мы чувствуем боль, нам говорят, что на то должна быть причина, а если мы не можем ее найти, значит, мы недостаточно глубоко заглянули. И мы продолжаем искать правду среди воспоминаний, которые у нас сохранились и которые мы потеряли.

И тогда мы сталкиваемся с феноменом нашей психики, называемым «вытеснением воспоминаний». Это понятие основано на идее, что человеческий разум способен защищаться от эмоционально тяжелых воспоминаний, удаляя из сознания часть информации об этом опыте и связанных с ним эмоциях. Спустя месяцы, годы или даже десятилетия, когда разуму будет проще справиться с «вытесненными воспоминаниями», их можно по кусочкам вытащить наружу из сырой могилы прошлого, изучить и тщательно проанализировать, словно древние свитки, на которых записана правда.

Те, кто в это верит, заявляют, что, хотя травматические воспоминания похоронены очень глубоко, эмоции, погребенные вместе с ними, просачиваются в нашу сознательную жизнь, отравляя наши отношения с другими людьми и подрывая чувство собственного «я». Именно поэтому мы должны возвращаться в прошлое, раскапывать погребенные воспоминания и вытаскивать их на свет божий. Только таким образом, лицом к лицу встретившись с мрачной правдой о своем прошлом, мы можем понять ее, узнать, принять и отпустить.

Скептики указывают на реконструктивную природу памяти и просят предъявить доказательства и подкрепить эту теорию фактами. Как, спрашивают они, мы можем быть уверены, что давно утерянные воспоминания представляют собой факты, а не вымысел, если доказательств этому нет?

Я изучаю память, и я – скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики – корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования.

3

В состоянии транса

Я сама не понимала этого. <...> Вот я смотрю на нее и слушаю, как она все отрицает и отрицает, и вдруг пронизывающий холод пополз по моей спине, волосы на голове зашевелились, комок застрял в горле, и я услышала голос, пронзительный, – это был мой голос. И тогда я все вспомнила... все...

Артур Миллер. Суровое испытание (слова Мэри Уоррен)

Он усадил ее на заднее сиденье своего пикапа 1965 года выпуска и заставил смотреть, как он достает карманный нож и вспарывает брюхо рыбине. «Это мерзко!» – воскликнула она, скорчив гримасу ужаса и отвращения при виде того, как рыбы внутренности вываливались на пыльную тexasскую землю. Он улыбнулся и вытер окровавленные ладони о джинсы. Одной рукой он расстегнул ремень, а другой грубо толкнул ее в грудь, прижав ее тело к сиденью. Она не отрываясь смотрела на испещренный пятнами воды потолок и думала о том, как выглядят ее ноги, торчащие из салона. Они казались какими-то странными, толстыми из-за набухших кровью мышц, тяжелыми и отделенными от ее тела, и они постепенно немели.

Он задрал ей платье, и она почувствовала прикосновение к своему животу чего-то острого и теплого. Сильно надавив, он разрезал ее живот от груди до лобка. Она в ужасе закричала и вскинулась, уверенная, что сейчас увидит, как ее внутренности падают на проржавленный пол пикапа, прямо как кишки мертвой рыбы. Он засмеялся, ударив тупой стороной лезвия по ладони («Думала, что я тебя порезал, да?»), бросил нож и расстегнул ширинку – все это в считанные секунды. Потом была знакомая боль и толчки, чувство, будто тебя раздрают на части, нагревшаяся искусственная кожа сиденья под ее пятой точкой и странное ощущение, будто она витает в воздухе и сверху смотрит на всю эту сцену, которая всегда выглядела и ощущалась ею одинаково.

Когда все закончилось, они поехали назад, мимо тexasских нефтяных месторождений, и вокруг не было ничего, кроме палящего солнца, клубов пыли и ее дяди, улыбающегося при мысли о какой-то известной ему одному шутке.

Линн Прайс Гондольф навсегда запомнила этот день, когда дядя ее изнасиловал: ей было шесть лет. У нее остались и другие похожие воспоминания о том, что случилось в последующие годы: конкретные и детальные картины ласк, содомии⁴, садистских издевательств и даже пыток. Двадцать лет спустя она все еще помнила, как теплое окровавленное лезвие ножа прикоснулось к ее животу. Она помнила, какого цвета были ее сандалии, помнила мозоль на пятке, помнила раскаленное добела небо и пыль, скрипевшую на зубах. Перед ее внутренним взором все еще стоял мертвый, неподвижный глаз распоротой рыбы... прямо как у нее, думала она, поднимаясь вверх и глядя сверху надвигающееся туда-сюда тело дяди и на беспомощную, зажатую под ним девочку со свисающими из двери ногами. Шли годы, но воспоминания по-прежнему оставались в ее памяти, словно незваные гости, которые даже не собирались искать другое место для ночлега.

Через тринадцать лет после того, как дядя в последний раз ее изнасиловал, Линн подняла телефонную трубку и набрала номер местной психиатрической клиники. Она весила на двадцать килограммов больше нормы, потому что вот уже много лет страдала от расстройства пищевого поведения и в огромных количествах поглощала вредную еду, а потом принимала

⁴ В США под содомией понимается любая анальная или оральная пенетрация как с лицом своего, так и с лицом противоположного пола. — Прим. ред.

диуретики, слабительное и сироп из рвотного корня, чтобы очистить желудок. Каждый приступ булимии усиливал испытываемые ею угрызения совести и чувство вины. Ее мучила депрессия, тревога, ее переполняли стыд и усталость оттого, что она не могла контролировать собственное тело. Она хотела быть «нормальной». Все это она объяснила терапевту, который ответил на ее звонок. Он выслушал ее, немного помолчал, а потом сказал:

– Послушайте, Линн... вас когда-нибудь насиловали?

– Да, – ответила она, удивившись, как умело врач сделал выводы о ее прошлом на основе описанных симптомов. Она вкратце рассказала, что с ней сделал дядя.

– Это делал только он?

Она засмеялась:

– Его было вполне достаточно.

Линн начала ходить на сеансы психотерапии на той же неделе, и с самого начала ее психотерапевт стремился выяснить как можно больше деталей о насилии, которому она подверглась в детстве. Он настоял на том, чтобы она в мельчайших подробностях вспомнила, что именно произошло в пикапе, вплоть до описания размера и формы пениса ее дяди. Ей приходилось снова и снова переживать болезненные воспоминания. В конце второго или третьего сеанса терапевт начал вкрадчиво расспрашивать ее о родителях.

– Где находились ваши родители во время этих случаев насилия? – спрашивал он. – Разве они не знали, что дядя вас насиловал?

– Я никогда им не рассказывала, – отвечала девушка, – они узнали только в этом году.

– Вы уверены? Только подумайте, Линн... представьте себе, сколько раз вы уезжали вместе с ним – сколько всего было отдельных случаев, двадцать, тридцать? Что, по мнению ваших родителей, происходило, когда ваш дядя вас куда-то увозил на машине?

Линн с ним спорила.

– Они не знали, потому что я им не говорила. Мне было слишком стыдно. Они жили в нищете, оба работали по двенадцать часов в день без выходных, им, кроме меня, надо было кормить троих детей. Они просто полагали, что, раз я старшая, я сама смогу о себе позаботиться и скажу им, если кто-то сделает мне больно.

– Все, чего я хочу, – так это чтобы ты подумала, – сказал он мягким, утешающим голосом. – Попробуй представить себе этот эпизод. Ты была маленькой девочкой, тебе было всего шесть лет. Уезжала куда-то со своим дядей на несколько часов и возвращалась вся грязная, потная, должно быть, до смерти испуганная. Ты наверняка плакала, капризничала, плохо себя вела, цеплялась за мать. Ты и правда думаешь, что они ничего не замечали? Только подумай, Линн. Старайся вспомнить, что именно произошло.

Она стала думать об этом. Спустя какое-то время она уже не могла думать ни о чем другом. Психотерапевт продолжал подталкивать ее к тому, чтобы она просеивала свои воспоминания, и предложил ей завести ежедневник и регулярно заниматься самогипнозом, расслабляясь, глубоко дыша и пытаясь представить, что могло случиться в ее детстве. Через несколько недель интенсивной терапии и «духовных поисков» она сдалась.

– Возможно, вы и правы, – сказала она. – Возможно, они действительно знали¹.

Ее психотерапевт снова сменил тему.

– Если твои родители знали, – сказал он, – почему они ничего не сделали?

Она пожалала плечами, после чего он решил поставить вопрос немного по-другому:

– Теперь, когда мы выяснили, что они знали и ничего не предприняли, чтобы это остановить, не стоит ли нам задаться вопросом: не были ли они частью происходящего? Возможно ли, что твой отец, или мать, или они оба тоже тебя насиловали?

Она снова начала обороняться. Может быть, они не хотели об этом думать. Может быть, они знали, но не хотели в это верить. Может быть, они не знали, как меня защитить. Может

быть, они просто сделали все, что было в их силах, даже если они не сумели меня защитить, не сумели остановить насилие. Они были не идеальны, но они сделали все, что могли.

Она попыталась опять перевести разговор на свое расстройство пищевого поведения.

– Мне все еще трудно из-за того, что я не чувствую контроля над ситуацией, – сказала она. – Похоже, как будто я просто не могу перестать бесконтрольно есть, а потом промывать желудок.

– Ты пытаешься выблевать воспоминание, – сделал вывод психотерапевт. – Как только ты вспомнишь правду, потребность очищать желудок сразу пройдет, и проблемы с питанием постепенно исчезнут.

– Мои родители меня никогда не трогали! – сказала Линн, внезапно разозлившись.

– Линн, Линн, – ответил он раздраженно-терпеливым голосом, которым родитель мог бы разговаривать с непослушным ребенком, – твои симптомы слишком сильны и долговременны, чтобы я мог объяснить их насилием твоего дяди, каким бы ужасным оно ни было. Ты помнишь те события, ты осознала, что он с тобой сделал, и приняла это. Но твое расстройство пищевого поведения все еще никуда не уходит, ты все еще не чувствуешь контроля над своей жизнью и не понимаешь почему. Я уверен, в твоем прошлом должно быть еще что-то, что-то гораздо более страшное, с чем ты еще не столкнулась лицом к лицу.

Думай, говорил он ей, пиши, смотри сны, фантазируй. Покопайся в своем подсознании и вытяни оттуда эти воспоминания. Если только ты сможешь вспомнить, обнадеживал он девушку, тебе сразу станет намного легче.

Через месяц отчаянной погони за воспоминаниями, которая ни к чему не привела, Линн согласилась присоединиться к группе из восьми женщин для посещения еженедельных сеансов терапии вдобавок к индивидуальным приемам. «Здесь вы в безопасности, с людьми, которые о вас очень заботятся, – говорил психотерапевт женщинам, чьи проблемы варьировались от расстройств пищевого поведения и депрессий до последствий сексуального насилия. – Позвольте воспоминаниям вернуться, не бойтесь их. Если вы сможете восстановить эти давно утерянные воспоминания, они потеряют свою власть над вами, и вы снова обретете свободу быть собой».

Ему нравилось говорить о «калитке» человеческого разума. Якобы у всех в сознании есть маленькая калитка, словно закрытая на засов, который не позволяет болезненным и травматичным воспоминаниям войти в сознание. Когда мы чувствуем себя «в безопасности» – когда мы эмоционально подготовлены, не ощущаем физической угрозы и окружены людьми, которые о нас заботятся и хотят, чтобы мы поправились, – засов может отпереться сам собой, и воспоминания выплеснутся наружу. «Позвольте калитке открыться, – подбадривал он участниц группы. – Не бойтесь».

А Линн все же боялась. На самом деле она была смертельно напугана. Все, во что она верила, подвергалось сомнению. Она всегда знала, что мать и отец ее любили и защищали. Но почему же они не спасли ее от дяди? Неужели ее психотерапевт был прав? Неужели люди, которых она любила больше всех на свете, родители, которым она доверяла на протяжении многих лет своего детства и юности, неужели они ее насиловали? Но если они действительно ее домогались, значит, вся ее жизнь была построена на обмане и отрицании. Как она могла обманывать себя все эти годы? Как мог ее разум отторгнуть такие важные воспоминания?

Эти вопросы не переставая вертелись у нее в голове, и Линн начала думать, уж не сходит ли она с ума. Если она не знала правды о своем прошлом, насколько неадекватно она должна была воспринимать реальность? Если она не знала правды о собственных родителях, то как же она могла быть уверена, что понимает мотивы других людей? Если ее было так просто обмануть, кто еще мог этим воспользоваться?

Обеспокоенный непредсказуемыми перепадами настроения девушки и все более серьезными приступами депрессии, психотерапевт Линн направил ее к врачу, который прописал ей антидепрессанты и снотворное. Лекарства, казалось, помогали, но лишь во время сеансов тера-

пии, рядом со своим психотерапевтом и другими членами группы она чувствовала себя человеком, лишь во время сеансов она ощущала, что ее понимают и ценят. Казалось, психотерапевт точно знает, что происходит в ее голове. Он был таким уверенным и сдержанным, когда убеждал членов группы, что они раскроют тайну своего прошлого и что, когда это произойдет, все их проблемы решатся сами собой. «Вместе мы доберемся до правды, – твердил он, – и эта правда вас освободит».

К поискам правды участницы подошли со всей серьезностью. Восемь женщин садились в тесный круг и рассказывали свои истории, а психотерапевт словами подбадривал их, чтобы они вспоминали как можно больше деталей. Однажды на групповом сеансе Линн говорила в течение полутора часов, делаясь подробностями того, как дядя ее насиловал. После одна из женщин разрыдалась. «Я понимаю, почему Линн так трудно, – всхлипывала она. – Для ее проблем есть достойная причина. А вот со мной что не так? Почему я так несчастна?»

Психотерапевт ее утешил: «Продолжай искать утерянные воспоминания. Что-то в твоём прошлом хочет заявить о себе. Продолжай прислушиваться, жди, наблюдай, фантазируй. Воспоминания придут».

Первое воспоминание вспыхнуло в сознании Линн, когда она ехала на машине в магазин. Она терпеливо ждала зеленого сигнала светофора, когда ее сознание внезапно заполнил образ мужчины, стоящего в углу темной комнаты. Это все, что она увидела. Будто кто-то взял выцветшую черно-белую фотографию, оторвал уголок и засунул ей в голову. Дрожа, она поехала обратно домой и позвонила психотерапевту.

– Ты узнаешь человека из воспоминания? – спросил тот.

– Я думаю, это мой отец, – ответила девушка. Пока они разговаривали, образ в ее сознании становился все более четким, более сфокусированным. – Да, да, я уверена: это мой отец.

– Что он делает?

– Он стоит в углу. Я вижу только его голову.

– А его туловище?

– Нет, только его голову в углу.

– Он двигается или как-нибудь жестикулирует?

– Нет, просто стоит там.

– Где ты? Сколько тебе лет? – в голосе ее психотерапевта слышалось волнение.

– Мне, наверное, где-то шесть или семь, – ответила Линн. – Похоже, я лежу на кровати или чем-то вроде того и наблюдаю за ним.

– Представь, что отец подходит к тебе, – предложил психотерапевт. – Вообрази, как он приближается к кровати. Можешь сказать мне, что происходит дальше?

Линн заплакала, когда оторванный уголок фотографии внезапно совпал с другим кусочком.

– Он прямо надо мной, – прошептала она. – Я чувствую, как он ко мне прикасается. Он трогает меня. Трогает мои ноги.

Еще один обрывок воспоминания встал на свое место, а к нему присоединился другой, потом еще один. Теперь она помнила все.

– Он раздвигает мне ноги. Стоит надо мной. Он лежит на мне. – Девушка бесконтрольно рыдала, а ее голос хрипел, когда она пыталась говорить сквозь слезы: – О боже, о боже, папа, нет, папочка, нет!

Несколько недель спустя появилось еще одно воспоминание. Линн разговаривала с группой о том, как в четвертом классе мама купала ее и накрутила ей волосы на твердые розовые бигуди.

– Она дергала мне волосы на шее, – вспоминала Линн. – Мне это жутко не нравилось. Больно было.

Ее психотерапевт хотел поговорить о купании.

– Случилось ли в ванной что-нибудь, что кажется тебе важным?

Линн ответила, что ничего не случилось, она помнила только бигуди и неприятное ощущение, когда ее дергали за волосы. Психотерапевт предположил, что она, возможно, подсознательно блокировала травматичное воспоминание.

– Подумай о том, что случилось в ванной, – сказал он. – Иди домой и подумай, попиши, пофантазируй, покопайся в своей душе.

Через три дня в сознании Линн вспыхнуло еще одно воспоминание. Она сидела в ванне. Мама мыла ей голову, а потом ее рука вдруг начала медленно и настойчиво двигаться вниз по груди Линн. Она начала массировать грудь Линн, а потом ее рука поползла вниз, трогая и ошупывая места, которые трогать нельзя.

Рассказывая об этом другим членам группы, Линн краснела от смущения и стыда.

– Твое тело вспоминает стыд, который ты испытала двадцать пять лет назад, – объяснил психотерапевт. – Телесная память – это явный признак того, что твое тело сохранило воспоминание в виде своеобразной физической энергии. Теперь, когда ты готова лицом к лицу столкнуться с прошлым, это забытое воспоминание спонтанно всплывает в твоей памяти, провоцируя сильную физиологическую реакцию. Ты чувствуешь то, что *должно быть* заново прочувствовано, как физически, так и эмоционально.

Не прошло и двух месяцев с того момента, когда Линн начала посещать сеансы, как психотерапевт предложил ей открыто поговорить с родителями о том, что на самом деле случилось в ее прошлом. Он обнадежил ее: лишь встретившись с ними лицом к лицу и открыто обсудив насилие, которому они ее подвергли, она сможет освободиться от гнета прошлого. Эта идея ужаснула Линн, но ее психотерапевт напомнил ей, что он будет рядом, в любой момент готовый помочь. Он настаивал на том, что очная ставка – единственный способ пройти через боль и избавиться от нее.

Линн позвонила родителям и сказала им, что проходит курс психотерапии для борьбы с расстройством пищевого поведения. Она объяснила им, что принимает по назначению врача три препарата от депрессии, тревоги и бессонницы и что чувствует склонность к суициду. Ее психотерапевт волнуется о ней и думает, что встреча с родителями может помочь. Согласны ли они приехать и встретиться с ней? Да, разумеется, ответили они, просто скажи когда, и мы приедем.

За неделю до «совместного сеанса» Линн попробовала отрепетировать встречу с родителями. «Ты слишком добра, – сказали ей другие участницы группы. – Тебе следует более напористо говорить о своих чувствах».

– Ты отрицаешь случившееся, – сказал ее психотерапевт, – потому что твой внутренний ребенок все еще предан родителям. Помни, они, несомненно, знали, что тебя насилуют, а если знали, значит, были соучастниками. Будь сильной и не отступай.

Линн пришла на сеанс со списком травм и проявлений насилия, которым ее подвергли родители. Для начала психотерапевт объяснил, что Линн была серьезно больна, что она уже многие годы страдала от расстройства пищевого поведения, а недавно у нее проявились симптомы большого депрессивного расстройства.

– Жизнь вашей дочери зависит от вас, – заключил он. – Пожалуйста, выслушайте внимательно и не перебивая все то, что она хочет вам сказать.

Линн зачитала свой список: «Вы меня никогда не понимали. Вы никогда по-настоящему меня не любили. Вы не приходили на мои баскетбольные матчи. Вас никогда не интересовало, как у меня шли дела в школе. Вы на меня кричали и шлепали меня. Однажды папа назвал меня коровой. Мой дядя насилдовал меня, а вы ничего не сделали, чтобы его остановить».

– Мы не знали, что он тебя насилует, – сказал ее отец, с трудом выговаривая слова. – Но, возможно, нам следовало знать. Если бы мы знали, дорогая, мы бы защитили тебя.

– Пожалуйста, не перебивайте, – сказал психотерапевт.

Мать Линн плакала. Психотерапевт дал ей коробку носовых платков.

Линн продолжила зачитывать список. В самом конце она стала колебаться. Неделями раньше, на сеансе групповой терапии, она обсуждала с другими участницами травматичное воспоминание о сестре ее отца, женщине, которая то и дело попадала в психиатрические лечебницы. Когда Линн было примерно семь лет, тетя отвела ее в сторонку и сказала: «Твои родители поженились через две недели после того, как ты родилась. Это значит, что твой отец, может быть, вовсе даже не твой отец. Откуда нам знать, может, ты ребенок другого мужчины».

Обсуждая список, который Линн собиралась зачитать родителям, члены группы настояли, чтобы она рассказала матери и отцу о своих страхах. «Ты никогда не поправишься, если этого не сделаешь», – согласился ее психотерапевт.

Она написала на листке один простой вопрос. Глядя прямо в лицо отцу, Линн наконец выпалила: «Ты мой настоящий отец?»

Ее отец промямлил что-то вроде: «Думаю, да».

Линн встала и вышла из комнаты, а ее психотерапевт последовал за ней. В холле он крепко ее обнял. «Ты замечательно справилась», – сказал он. За закрытой дверью слышались сдвоенные рыдания ее матери.

* * *

В течение следующего года Линн пять раз пыталась покончить жизнь самоубийством. После одной из таких попыток она двое суток провела в больнице. Она принимала сразу несколько препаратов, назначенных врачом, в том числе ксанакс для снижения тревожности, тиоридазин для контроля над навязчивыми воспоминаниями, литий для стабилизации перепадов настроения, зантак и сукральфат для лечения язв, темазепам для улучшения сна и пропоксифен от головных болей. Ее психотерапевт никак не мог поставить окончательный диагноз. Меньше чем за год у Линн диагностировали шизоаффективное расстройство, биполярное расстройство, большое депрессивное расстройство, невротическую депрессию, хроническое посттравматическое стрессовое расстройство, клиническую депрессию, диссоциативное расстройство, дистимическое расстройство и пограничную психопатию.

Состояние остальных женщин из ее группы тоже стремительно ухудшалось. Во время их первой встречи, после того как все представились и вкратце рассказали о своих проблемах, всего одна из участниц признала себя жертвой сексуального насилия. За три месяца еженедельных сеансов все женщины в группе вспомнили, что подвергались насилию со стороны одного или нескольких членов своей семьи. Все они оказались «жертвами».

После того как психотерапевт установил, что все женщины в группе были изнасилованы одним из родственников, он посоветовал им не приходить ни на какие семейные посиделки. «В вашей семье давно укоренилась система отрицания, – объяснил он, – и, лишь полностью прекратив контакты с родными, можно надеяться на выздоровление».

Как-то раз одна из женщин разрыдалась. «Я хочу поговорить с братом, – всхлипывала она. – Я так по нему скучаю. Пожалуйста, все, чего я хочу, – это позвонить ему и сказать, как сильно я его люблю».

«Это слишком опасно, – ответил психотерапевт. – Твой брат тоже не готов признать то, что с тобой произошло. Если ты попытаешься восстановить отношения с ним, то снова попадешь в ловушку отрицания. Ты сейчас слишком уязвима, тебе нужно окрепнуть. Запомни... теперь мы твоя семья. И мы единственные люди, которым можно доверять».

Когда члены группы получали письма или открытки от родственников, они приносили их на сеанс, чтобы прочитать и проанализировать. Линн зачитала группе записку от отца с подписью «С любовью, *папа*». После долгого обсуждения члены группы пришли к выводу, что папа Линн пытался убедить ее, что он и впрямь был любящим отцом, и тем самым заманить

ее обратно в семью. Ей посоветовали: держись от него подальше. Будь осторожнее. Не теряй бдительность.

Линн прикладывала все больше усилий, чтобы восстановить забытые воспоминания. Однажды психотерапевт Линн попросил ее закрыть глаза, глубоко дышать и расслабиться; через несколько мгновений он попытался «вернуть ее в детство», в тот день, когда она родилась. Линн закрыла глаза и сконцентрировалась, усердно пытаясь воскресить воспоминания о своем появлении на свет. Однако образы все не приходили. Психотерапевт подбадривал ее, настаивая, что надо продолжать стараться. «Если ты совсем не помнишь деталей, просто вообрази, как все должно было быть, – говорил он. – Представь утробу матери и себя – крохотного беспомощного младенца внутри ее, подумай, что ты должна была испытывать во время своего появления на свет».

Возвращение в прошлое не помогло воскресить похороненные воспоминания, и тогда психотерапевт начал применять другие способы. «Автоматическое письмо» было его излюбленным упражнением на сеансах групповой терапии. Психотерапевт начинал со стандартных расслабляющих техник: просил женщин закрыть глаза и глубоко дышать; когда в их сознании появлялись какие-либо мысли или образы (необычные или самые обыденные), они должны были описывать их в своих дневниках. Одна женщина на нескольких страницах описала сексуальное насилие, но закончила свой рассказ словами «Это все выдумка». Когда психотерапевт прочитал ее записи, он объяснил, что все жертвы сексуального насилия верят, будто их страдания «выдуманы», поскольку не могут признать, что все эти ужасы на самом деле произошли с ними. «Все жертвы отрицают случившееся с ними», – сказал он.

«Отрицание» стало дежурным словом, сразу вызывавшим отклик у всех присутствовавших – быстрый диагноз, который все объясняет. Если одна из женщин подвергала сомнению факт изнасилования, это значило, что она «отрицает случившееся». Психотерапевт объяснил, что на самом деле отрицание – всего-навсего очередное доказательство изнасилования. Если один из родителей, брат или сестра не верят вашему рассказу, обвиняют вас в том, что вы неверно истолковываете факты, или просят вас представить дополнительные доказательства, то они «отрицают случившееся».

Групповые сеансы становились все более непредсказуемыми и эмоционально хаотичными. Как правило, во время сеанса одна из участниц описывала «всплывавшие в ее голове» воспоминания о том, как отец, брат или дедушка насиловали ее и подвергали пыткам. Вокруг нее сидели три или четыре женщины и держались за руки, а по их щекам текли слезы. Стоявшая на другом конце комнаты женщина колотила по стене «битой столкновения» – мягкой резиновой дубинкой, пока еще одна сидела в углу и стонала, зажав уши руками, а третья сидела посреди комнаты на корточках и методично выдирала страницы из телефонного справочника.

Выброс адреналина, накал страстей, сильнейшая эмоциональная разрядка. Даже само пребывание в этой комнате, где концентрировалось такое напряжение и выплескивались такие откровения, вызывало зависимость, ведь только здесь можно было не сдерживаться и просто кричать, плакать, ругаться, вопить. Никто не заставит остановиться, повзрослеть, вести себя прилично, взять себя в руки. После полуторачасового сеанса мир казался участницам тихим, не стоящим внимания, почти поддающимся управлению.

* * *

В мае 1987 года у Линн появились суицидальные наклонности, и психотерапевт назначил ей лечение в стационаре психиатрической больницы. Три месяца спустя она все еще находилась там и была по-прежнему склонна к суициду, ее все еще тревожили жестокие и странные воспоминания, и она понимала, что сходит с ума. Казалось, будто каждое воспоминание об изнасиловании, содомии и пытках пожирает ее тающий разум. За несколько месяцев до этого

она оборвала все связи с семьей; а теперь у нее не осталось даже друзей, за исключением других участников групповой терапии. Она не работала вот уже полгода, ее машину изъяли за долги, а сама она была настолько накачана успокоительными, релаксантами, нейролептиками и снотворным, что ей казалось, будто ее жизнь состоит из сменяющих друг друга туманных видений.

Последней каплей стало адресованное психотерапевту девушки письмо из страховой компании, в котором говорилось, что компания не принимает последние диагнозы Линн, и, соответственно, любые связанные с ними требования будут отклонены. Психотерапевт пошел в палату Линн и прочитал ей письмо.

– Что ты теперь будешь делать? – спросил он голосом, в котором звучали нотки гнева.

– Не знаю, – тоскливо ответила Линн.

– Как ты собираешься оплачивать счета за больницу и лечение? – требовательно спросил психотерапевт.

– Понятия не имею. – Линн заплакала.

Он продолжал задавать ей те же самые вопросы: что ты собираешься делать? Как ты будешь выполнять свои обязательства? Куда ты пойдешь после выписки? Чувствуя себя отвергнутой человеком, которому она доверяла больше всех на свете, Линн наконец сказала: «Думаю, я должна буду пойти домой и сгнить там».

На следующий день в больницу приехали помощники шерифа с ордером на содержание под стражей для обеспечения безопасности, подписанным ее психотерапевтом и психиатром. На Линн надели наручники и отвезли ее в психиатрический диагностический центр на обследование, необходимое для приема в государственную психиатрическую больницу. Линн вспоминает этот диагностический центр как сущий ад. Мужчины и женщины бились головой об стену, открыто мастурбировали, мочились и испражнялись прямо на цементный пол. Крики ужаса сотрясали зловонный воздух. Линн сидела и рыдала в углу большой, заполненной людьми комнаты. Двенадцать часов спустя ее тело начало трясти в конвульсиях – проявление абстинентного синдрома. Когда она взмолилась о помощи, санитар велел ей прекратить рыдать и взять себя в руки. «Тебя точно отправят в психушку», – сказал он, глядя на нее с отвращением.

Когда санитар разрешил ей позвонить своему психотерапевту, она умоляла его подписать распоряжение о ее выписке.

– Я сделаю все, что угодно, все, – твердила она. – Я обещаю, я буду усердно работать, я найду способ заплатить вам, я сделаю все, что вы попросите.

– Прости, Линн, – сказал он. – Но что я могу сделать? У тебя нет работы, нет страховки, ты склонна к суициду. Я не могу просто позволить тебе пойти домой и убить себя. Единственный выход для тебя – это государственная психиатрическая больница.

Казалось, ее слезы тронули его.

– Это единственное решение, – сказал он. – Но я готов заключить с тобой сделку. Если ты согласишься остаться в государственной психиатрической больнице на два года, то после выписки я обещаю снова принять тебя в качестве пациентки.

– Я не могу лечь в государственную больницу, – плакала Линн. Ее тетю отправили туда насильно, и Линн помнила ее рассказы об окнах с решетками, о смраде, о нервно шаркающих по полу пациентах с диким взглядом. – Пожалуйста, помогите мне, умоляю, я сделаю все, что вы хотите, что угодно...

– Прости, – повторил психотерапевт и повесил трубку.

Три дня спустя к Линн пришел психиатр из государственной больницы. Ее сердце кололось, а руки дрожали, когда она смотрела, как он читает ее медицинскую карту. Через минуту он поднял на нее глаза и сказал: «Вам нечего делать в психиатрической больнице». Он посоветовал ей вернуться домой и наладить свою жизнь, а затем подписал распоряжение о выписке.

Линн практически ничего не помнит о последующих неделях. Она помнит, как ее отвезли к другу и как она лежала в кровати не в силах уснуть, как она обливалась потом и дрожала от абстинентного синдрома, потому что у нее не осталось денег на лекарства. Еще она помнит, как звонила психотерапевту, к которому ходила семь лет назад, и молила его о помощи. Он согласился принять ее и отсрочить оплату до того момента, когда у Линн появятся деньги. Обеспокоенный ее абстинентным синдромом, он отправил девушку к терапевту, который назначил ей легкие транквилизаторы и дал бесплатные образцы препаратов.

Прошло несколько месяцев. Линн нашла квартиру, купила подержанную машину и устроилась работать программистом. Спустя какое-то время, когда воспоминания об изнасилованиях стали меркнуть, она решила, что сможет жить без препаратов, и поэтому стала участником программы для страдающих от алкоголизма и медикаментозной зависимости. Там случилось что-то странное. Ее попросили забыть о прошлом и наладить свою жизнь.

Что она собиралась делать сейчас, сегодня, в этот самый момент? Кураторы снова и снова задавали эти вопросы. Когда она сказала, что не может прекратить думать о прошлом, поскольку не знает точно, что именно с ней случилось, кураторы посоветовали ей прекратить искать причины ее нынешних страданий в детстве.

– Разве кто-то обещал, что жизнь не причинит тебе боли? Ну и что, что у тебя депрессия? – говорили они. – У всех бывают дни, когда мы чувствуем себя паршиво. Но мы встаем и идем на работу. Мы спим, едим, принимаем душ, причесываемся, выходим из дома и идем по улице. Ты должна двигаться вперед, шаг за шагом.

Линн не знала, что на это ответить. Раньше во время сеансов терапии ей говорили, что она не обязана заставлять себя что-то делать. Если она чувствовала себя подавленной, грустной или больной, если ей просто не хотелось ничем заниматься, ей советовали описать свои чувства в дневнике, выпустить пар, молотя кулаками по мебели, или позвонить психотерапевту, который поможет ей «разобраться со своими чувствами». А теперь кураторы велели ей прекратить попытки «исправить» себя и начать брать на себя «ответственность» за свою жизнь. Линн пыталась понять, что означает слово «ответственность».

Она пыталась понять, что с ней случилось во время сеансов терапии. Как появились все эти яркие пугающие воспоминания? Настоящие ли они? С течением времени они стали похожи на мультфильм, на цветную анимацию, которая постепенно теряла свою способность причинять боль. Проведя несколько месяцев в трезвом состоянии без каких-либо препаратов, Линн осознала правду. Все эти детальные воспоминания об изнасиловании, которому ее якобы подвергли родители, были не более чем порождением ее помутненного рассудка, одурманенного препаратами мозга. Она начала понимать, что эти выдуманные воспоминания формировались из ее страхов, мечтаний и желаний, смешавшихся с обрывками образов из реальной жизни. Огромные дозы препаратов, беспокойство по поводу сексуального насилия, паранойя, внушенная психотерапевтом, и массовая истерия группы – все эти факторы вместе способствовали образованию в ее разуме тревожного и полностью вымышленного мира. На самом деле именно воспоминания стали причиной ее травмы.

Что она сделала своим родителям? Как теперь посмотрит им в глаза? Эти вопросы причиняли ей физическую боль. Она очень хотела обнять их и попросить прощения, но не могла найти в себе мужества сделать это. Каждую неделю она звонила сестре, чтобы узнать, как идут дела у семьи. «Мама и папа безумно хотят тебя увидеть, Линн, – говорила сестра. – Они очень по тебе скучают». Однако Линн еще целых два года не могла побороть чувство стыда за то, как она с ними поступила.

Однажды боль от разлуки с родителями стала сильнее страха встретиться с ними. Она гостила у сестры, когда родители вошли в дом. Увидев свою дочь впервые за три года, они протянули к ней руки и крепко ее обняли, словно обещая больше не отпускать. Они никогда не просили Линн объяснить, что произошло, и не требовали извинений. У них было то, чего они

хотели, то, что в течение нескольких лет казалось им потерянным навсегда, – их дочь, живая и невредимая.

* * *

Вот это история, думаете вы... поразительная, странная, фантастическая. Возможно, у вас, как и у многих моих знакомых, возникли вопросы к Линн. Как так вышло, что она приняла эти воспоминания, хотя изначально настаивала на том, что они ложные? Было ли с ней что-то не так с самого начала – некая психическая слабость, психический изъян или неспособность отделять вымысел от реальности? Конечно, только слабый человек с большим количеством проблем позволит убедить себя в том, что вымышленные события действительно происходили в его жизни... И разве тот факт, что она была настолько уязвима и так легко поддавалась обману, уже не говорит о том, что в ее прошлом произошло что-то ужасное?

Или, может, вы думаете, будто все воспоминания, которые Линн восстановила во время терапии, на самом деле были реальными, если не в мелочах, то, по крайней мере, в общем? Неужели человеческое сознание способно создать такие яркие, эмоционально насыщенные образы из ничего? Возможно, позже Линн отказалась от обвинений не потому, что ее воспоминания не соответствовали действительности, а потому что она больше не могла выносить разлуки с семьей. Говоря уже знакомыми терминами, она снова стала отрицать случившееся.

Возможно, вы не готовы возложить вину на Линн: ей просто не повезло, что она попала к бестолковому и не в меру старательному психотерапевту. Не исключено, что проблема кроется в самой психотерапии: профессии, которая стала нашей новой религией и которая предлагает легкое и быстрое решение для сложных и в принципе нерешаемых жизненных проблем. Можно ли сказать, что, стремясь облегчить наши страдания, психотерапевты превратили все человеческие проблемы в симптомы, объясняя любую боль насилием и проповедуя ложную надежду на спасение благодаря возвращению утраченной невинности?

Как же все-таки разобраться в этой истории? Является ли Линн уязвимой и психически нездоровой личностью, чьи воспоминания дают хоть искаженное, но в целом верное представление о прошлом? Стоит ли винить ее психотерапевта? Что, если именно сеансы групповой терапии подлили масла в огонь? Что, если все эти депрессивные и зависимые женщины, подталкивая друг друга, невольно раздували костер выдуманных воспоминаний? Какие уроки мы можем извлечь из невероятных сюжетных поворотов этой истории о терапии, едва не разрушившей жизнь Линн?

4

Духи

Розыски духов приведут нас к гибели... Я боюсь, очень боюсь...
Артур Миллер. Суровое испытание (слова Ребекки Нэрс)

Я могу с уверенностью сказать, что Линн не единственная, кто пережил подобные страдания, ее психотерапевт – не единственный практикующий врач, который предлагает пациентам отыскать их потерянные воспоминания, а сеансы групповой терапии, которые она посещала, – это не единственное прибежище одиноких запутавшихся людей, способных за несколько месяцев превратиться в склонных к суициду «жертв» изнасилования, заиклившись на красочных воспоминаниях о сексуальном насилии и садистских пытках.

Я разговаривала с пятью женщинами – Элизабет, Памелой, Мелоди, Лорой и Эрин, – истории которых очень похожи на историю Линн. Я думаю, справедливым будет сказать, что в основе каждой лежит одна и та же общая тема, одна и та же неприятная правда, и нам не нужно глубоко копать, чтобы ее найти. Депрессивные, тревожные или испуганные, эти женщины (в возрасте от семнадцати до тридцати пяти) пришли к психотерапевту за советом и консультацией. Памела и ее муж обратились за помощью к лицензированному социальному работнику из-за трудностей в семейной жизни. Мелоди попала в больницу из-за депрессии. Элизабет страдала от депрессии и проблем в браке. У Лоры было расстройство пищевого поведения. Эрин, страдавшая от клинической депрессии, начала посещать сеансы терапии в надежде улучшить отношения со своим отцом. «Я хотела быть ближе к нему, – объясняет она. – Я всегда злилась на него, потому что он уделял больше внимания моему старшему брату».

В первые несколько месяцев (а в двух случаях и в первый же час) психотерапевт задавал следующий вопрос: «Подвергались ли вы в детстве сексуальному насилию?» В случае Памелы это вообще было представлено как факт. «Я и мой муж посещали сеансы терапии два месяца, мы стали более позитивно относиться к нашему браку, у нас появилась надежда. Мы научились общаться друг с другом, выражать свои чувства и выпускать пар конструктивными способами. И потом, совершенно неожиданно, наш психотерапевт повернулся ко мне и сказал: «Ну так что, Памела, ваш отец насиловал вас?»

Первая реакция Памелы была типичной. «Меня точно водой окатили, – рассказывает она. – Я не понимала, о чем он меня спрашивает. Мне казалось, что он то ли спутал меня с другой клиенткой, то ли обвиняет во лжи, то ли еще что. Я рассказала ему, что не помню никакого сексуального насилия; мне такое даже в голову никогда не приходило. Он ответил, что это не имеет никакого значения, что это совершенно не важно. Возможно, объяснил психотерапевт, виной всему была “диссоциация”, которая выступает в качестве защитной реакции сознания. Он сказал, что он эксперт в области сексуального насилия, что работал с сотнями женщин, которые стали жертвами изнасилований, и на 95 % уверен, что со мной случилось то же самое. Он велел мне пойти домой и проверить, не смогу ли я что-нибудь вспомнить. Он сказал, что воспоминания сами придут ко мне, что они начнут появляться одно за другим, если только я разрешу себе вспомнить».

У каждой из этих женщин предположение о сексуальном насилии сразу вызвало череду разных эмоций. Первой реакцией был шок и недоверие. «Психотерапевт напрямую спросила, насиловал ли меня мой брат, – рассказывает Эрин. – Я сказала ей, что ни брат, ни кто-либо другой никогда меня не насиловал. “Ты уверена?” – спросила она. “Да, я уверена”, – ответила я. Тогда она посмотрела на потолок, будто сомневалась в моем ответе. У меня участилось

дыхание, а потом началась паническая атака. Я не могла справиться с эмоциями, вызванными этой мыслью».

Следующей реакцией было странное чувство облегчения, граничащее с надеждой. «Я чувствовала острую необходимость вспомнить все, что со мной случилось, чтобы мне стало лучше, чтобы я сумела в конце концов наладить свою жизнь», – говорит Мелоди.

«Может быть, этим объясняется моя боль и стрессовое состояние, – размышляли все эти женщины. – Может быть, поэтому я чувствую, что не управляю своей жизнью, страдаю от перепадов настроения, от депрессии и тревоги. Если я подвергалась насилию и если я сумею восстановить эти воспоминания, то, может быть, тогда все мои проблемы разрешатся, и я начну новую, более полноценную жизнь».

Женщины серьезно подошли к процессу восстановления воспоминаний. Они прочитали книгу Элен Басс и Лоры Дэвис «Мужество исцеления», откуда узнали, что многие люди, подвергшиеся в детстве насилию, не помнят об этом, а у некоторых воспоминания не восстанавливаются никогда. Но на самом деле воспоминания значения не имеют – по крайней мере, как способ доказать себе или кому-то еще, что вас действительно изнасиловали. Важно, что вы чувствуете. «Если вы думаете, что вас подвергали насилию и наблюдаете у себя соответствующие симптомы, значит, так и было».

«Я выучила “Мужество исцеления” наизусть, – говорит Эрин. – Раньше я постоянно носила ее с собой: когда шла на прием к врачу, когда работала няней, когда мы с друзьями куда-нибудь ходили: я боялась, что у меня в голове всплывет какое-нибудь воспоминание, и я знала, что книга поможет с ним справиться».

Эрин также выучила наизусть некоторые разделы из книги психотерапевта Сью Блум «Тайные жертвы» (Secret Survivors). На самой первой странице, перед титульным листом, она нашла раздел под названием «Список симптомов, проявляющихся у жертв инцеста». Он начинался со следующего вопроса и утверждения: «Вы отметили у себя большинство этих характеристик? Если да, то, возможно, вы – жертва инцеста». В список «характеристик» входила боязнь оставаться одному в темноте, ночные кошмары, негативное восприятие собственного тела, головные боли, артрит, нервозность у взрослых, боязнь потерять контроль, вина, стыд, низкая самооценка, ощущение, что сходишь с ума или сильно отличаешься от других.

«Я сравнивала себя с этим описанием, – рассказывает Эрин. – С каждым симптомом, который я находила (а нашлись практически все), у меня появлялось все больше доказательств, чтобы убедить себя, будто я была жертвой инцеста».

Эти женщины проработали в группе анонимных жертв инцеста 20 вопросов в рамках 12 этапов, что, как предполагалось, должно было привести их к правде. В том числе они отвечали на следующие вопросы:

- Как вы думаете, вы умеете контролировать свои эмоции?
- Бывает ли такое, что вы слишком остро реагируете или срываетесь на других в ситуациях, которые выводят вас из себя? Вы боитесь гнева?
- Были ли в вашем детстве периоды, которые вы не можете вспомнить? Возникает ли у вас чувство, что «что-то произошло»? Случается ли вам вспоминать о насилии, не испытывая каких-либо эмоций?
- Имеются ли у вас проблемы с алкоголем, наркотиками, расстройство пищевого поведения, мигрени или боли в спине?

Казалось, все совпадало, но куда же тогда делись воспоминания? Мелоди десятки раз перечитывала «Мужество исцеления». «Я почти ничего не делала, только читала книгу “Мужество исцеления”, плакала, страдала от депрессии и злилась, – объясняет она. – Я испробовала все “методы” из книги и прилагающейся к ней рабочей тетради, но все еще не могла вспомнить

ничего конкретного, хотя и была убеждена, что это произошло. Я все время думала об этом и усердно, изо всех сил пыталась вспомнить».

Памела садилась смотреть старые фотоальбомы, внимательно рассматривая каждый снимок в надежде, что изображение руки на ее плече или любимого в детстве платья в цветочек внезапно воскресит глубоко похороненные воспоминания.

Элизабет обращалась к Богу. «Я все время молилась, просто молила Бога вернуть мне воспоминания». Памела просила Бога о том же. «Я падала на колени и взывала к Господу: пожалуйста, верни мне мои воспоминания!»

Они с головой ушли в поиски и молитвы, потому что, как настаивали психотерапевты, их боль была настолько сильна, что ее могли объяснить только вытесненные воспоминания о причинившем травму насилии. «Пережитое человеком насилие всегда имеет не меньшее значение, чем его теперешние страдания, – твердили им. – Если ваша боль очень сильна, значит, и насилие было очень жестоким; а если вы этого не помните, значит, ваше сознание вытеснило воспоминания.

«Когда я начала посещать сеансы терапии, у меня были самые что ни на есть серьезные проблемы, которые причиняли мне реальную боль и разочарования, – пишет Лора. – У меня разрушились взаимоотношения с одним из самых важных для меня людей. Мне казалось, что моя жизнь полностью вышла из-под контроля. У меня были проблемы с внешним миром, которые причиняли мне много беспокойства, однако моего психотерапевта они не слишком интересовали. Он говорил о более *глубокой* боли, похороненной, «вытесненной». Доктор считал, что моя тяга к саморазрушению и смерти может иметь лишь одно объяснение: мой разум вытеснил нечто ужасное и травматичное. А значит, меня спас бы только длительный курс терапии, гипноз и усердная работа».

Они так отчаянно хотели поправиться, чувствовать себя лучше, быть лучше, но их агония, казалось, лишь усиливалась. Поэтому они полностью отдались в руки терапевтов, перестав рассчитывать на собственную волю, разум и контроль. Жизнь Лоры настолько «переплелась и перепуталась» с жизнью ее психотерапевта, что она уже была не в состоянии думать самостоятельно. «Я думала так, как хотел он. Я верила в то, во что он хотел, чтобы я верила. Я становилась той, кем он хотел меня сделать».

«На столе психотерапевта стояла моя фотография, – вспоминает Эрин. – Во время каждого сеанса она несколько раз повторяла, что любит меня. Она объясняла это тем, что чувствовала, как мне не хватает заботы».

Когда психотерапевты предложили женщинам присоединиться к группе, чтобы им было проще восстановить утраченные воспоминания, они согласились попробовать, хотя некоторые из них поначалу сопротивлялись. «Я не хотела идти, – объясняет Лора, – но мой психотерапевт сказал, что я просто переношу страх перед своей семьей на группу. Он сказал, что я должна пойти». Психотерапевт Памелы посоветовал ей начать групповую терапию, чтобы преодолеть одиночество. «В группе ты встретишь много друзей, – сказал он. – И ты удивишься, какую работу можно проделать при поддержке других женщин».

Даже сам факт посещения групповых сеансов, казалось, ускорял процесс. «Я забросила все, кроме своей группы, – вспоминает Элизабет. – В группе все мы говорили об одних и тех же вещах: изнасилование в детстве, инцест, содомия, пытки. И мы все находили им подтверждение в словах друг друга. Мне всегда хотелось быть частью чего-то, и в группе я наконец обрела это чувство».

«Всех участниц моей группы объединяло одиночество, – соглашается Памела. – Мы все были одиноки, уязвимы и напуганы, и все отчаянно пытались что-нибудь вспомнить. Мне казалось, что потерянные воспоминания не могут не быть чем-то реальным, раз все эти женщины искали одно и то же».

В группе они опробовали несколько необычных приемов восстановления похороненных воспоминаний. Психотерапевт Лоры надеялся на такую процедуру, как «работа в состоянии транса». Он просил ее закрыть глаза, представить, что могло случиться в прошлом, а потом записать в дневник «все, что придет в голову». Предполагается, спонтанное письмо помогает установить связь с неосознанными воспоминаниями. Потом психотерапевт читал записи вслух. «Это было в реальности, – говорил он. – Эти события действительно происходили».

Если одна из участниц группы настаивала на том, что просто фантазировала или выдумывала, психотерапевт начинал с ней спорить. «Ты ничего не выдумывала, – говорил он. – Твоему разуму сложно принять ужасную реальность, и поэтому ты отрицаешь правду, чтобы защитить себя. Это воспоминания, и они реальны».

В одной из дневниковых записей Лора рассказывает о своих страхах по поводу того, что эти воспоминания могут оказаться настоящими.

Мне трудно поверить в сны, которые мне снятся. У меня болят плечи и рука, болят так сильно, что мне приходится принимать обезболивающее. Реальная боль или воспоминания о ней? Может ли быть все настолько плохо, как мне снится? Могут ли мои сны иметь символический смысл? Можно ли плохие сны спутать с воспоминаниями? Почему никто ничего не замечал, почему всем было все равно? Я бы хотела выяснить, что действительно произошло, а что мне внушило телевидение, страшные истории и воображение. Реально ли это все или это просто какая-то игра, в которую со мной играет мой разум?

«Реально ли это все? Или я выдумываю?» – спрашивали женщины. «Нет, – мягко убеждали их психотерапевты, – калечащее отрицание вместе с ненавистью к себе и чувством вины часто проявляются у жертв насилия. Сомнения и скепсис – это признак того, что воспоминания на самом деле существуют. Игнорируйте сомнения. Доверьтесь чувствам. Перестаньте отрицать произошедшее. Не ищите внешних доказательств, потому что в большинстве случаев их просто нет».

Женщинам чрезвычайно подробно рассказывали о том, у кого могут возникнуть вопросы или сомнения по поводу их воспоминаний. Самым очевидным объектом недоверия становилась семья пациента. «Ваши семьи приложили немало усилий для того, чтобы похоронить эти воспоминания. Они попытаются подвергнуть сомнению ваши слова, ведь они сами отрицают случившееся».

Слово «отрицание» повторялось без конца. Это считалось безусловным, неоспоримым фактом: жертвы отрицают случившееся, семьи отрицают случившееся, маньяки-педофилы отрицают случившееся. «Отрицание» – ответ на все вопросы. Если обвиненным членам семьи нечего сказать, так это потому, что они виноваты; если они утверждают, что невиновны, значит, они пытаются что-то скрыть; если их воспоминания отличаются от воспоминаний жертвы, то они отрицают случившееся. На любой вопрос находился ответ, и в нем всегда было слово «отрицание».

– Вся твоя семья отрицает случившееся, – сказал Эрин ее психотерапевт.

– Но подождите минутку, – ответила Эрин, чувствуя гнев и желание защищаться. – Вы так говорите, как будто уверены в том, что я жертва incestа, хотя я до сих пор не знаю, что со мной произошло.

– Многие мои клиенты, пережившие incest, не помнят, что с ними случилось, – ответил психотерапевт. – Большинство из них отрицают случившееся.

Если клиентка «отрицала случившееся», ей просто нужно было работать усерднее. Когда Элизабет усомнилась в необходимости тратить столько времени на поиск воспоминаний, которых вообще могло не существовать, ее психотерапевт ответил: «Тебе становится хуже, потому

что ты недостаточно стараешься». Когда Лора отказалась участвовать в некоторых сеансах автоматического письма, ее психотерапевт сказал, что она убегает от своих проблем. «Ты просто не хочешь много работать», – сказал он. Позже, когда у Лоры появилось воспоминание о том, как маленький мальчик накрыл подушкой ее лицо, когда она была младенцем, ее психотерапевт начал постоянно задавать один и тот же вопрос: «Когда ты примешь тот факт, что твой брат пытался тебя убить?» – пока она в конце концов не согласилась, что брат пытался ее задушить.

«Мои психотерапевты подталкивали меня и заставляли “вспоминать” все больше и больше, несмотря на то что у меня начали появляться симптомы психоза во время сеансов, – говорит Мелоди. – Я быстро теряла способность проводить грань между собственным воображением и реальными воспоминаниями».

Памела прикладывала огромные усилия, чтобы хоть что-нибудь вспомнить, поэтому ее психотерапевт попробовал новый подход. «Ты слишком сильно стараешься, – объяснил он. – Наберись терпения. Часто достаточно просто пройти терапию для того, чтобы запустить процесс восстановления. Воспоминания придут, когда ты будешь готова».

* * *

По мере того как внешнее и внутреннее давление на пациенток усиливалось, они все чаще не выдерживали такого напряжения. У Мелоди случился нервный срыв. Элизабет совершила попытку самоубийства. Брак Памелы начал разваливаться. Депрессия Эрин стала только усугубляться. Лору пожирал гнев, страх и подозрения. Они размышляли: есть ли на свете хоть один человек, которому они могли бы доверять?

Четверо из пяти женщин получали препараты от депрессии, гнева, тревоги и склонности к самоубийству. Мелоди принимала четыре различных препарата. Эрин выписали прозак. Лора пила снотворное, препараты от депрессии, препараты «для укрощения гнева, препараты практически от всего». Элизабет принимала лоразепам от тревоги и высокую дозу антидепрессанта тразодона, одним из побочных эффектов которого была сонливость, поэтому она спала по 15–20 часов в сутки.

Прошло совсем немного времени, прежде чем воспоминания начали вторгаться в их память, заполняя ее. Сперва воспоминания всплывали внезапно, как неожиданные назойливые картинки или видения, нарушавшие привычный ход жизни. Они появлялись без предупреждения – пока женщины чистили зубы, пылесосили, отодвигали стул, чтобы сесть за обеденный стол, или дремали. Позднее, когда эти искаженные картинки (зловещая ухмылка, вытянутая рука, крик ужаса, женская грудь, эрегированный пенис, недоношенный плод) прочно оседали в их сознании, женщины начинали думать, что из этого было реальным, а что нет. Неужели они когда-то своими глазами видели эти жуткие, гротескные картины? Если нет, то откуда они взялись?

«Они реальны, – настаивал психотерапевт, – и это только начало». В группе и на индивидуальных сеансах женщины час за часом, неделю за неделей прорабатывали свои воспоминания, записывали, думали, размышляли, видели сны о них, обсуждали и анализировали их при любой возможности. Похожие на вспышки образы истолковывались как обрывки воспоминаний. Спустя еще какое-то время и после определенных усилий «воспоминания» становились отчетливыми и объемными. Изначально это были смутные, бесформенные образы, без четких деталей, теперь же они делались яркими и осязаемыми, и можно было даже разглядеть рисунок на обоях, ощутить текстуру одеяла или неприятное прикосновение колючей мужской бороды к нежной гладкой щеке.

«Я выполняла дома упражнения для глубокой релаксации и впадала в состояние транса, – рассказывает Эрин. – Но я переживала, потому что мои воспоминания отличались от описан-

ных в книге “Мужество исцеления”, которые ранили так сильно, что жертвы не могли дышать. Мои больше были похожи на истории, действие которых разворачивалось у меня в голове».

Каждая из этих женщин в конце концов восстановила воспоминания о сексуальном насилии. Сначала в числе появляющихся в их сознании образов был только один насильник (чаще всего – отец, мать или брат), но затем добавлялись все новые детали о дядях, тетях, двоюродных братьях и сестрах, бабушках и дедушках, священниках, друзьях, соседях. Поначалу женщина вспоминала лишь прикосновения, ласки, но со временем образы множились, и в них появлялись проникновение, изнасилование и содомия. Рано или поздно в памяти некоторых женщин всплывали сатанинские обряды, садистские пытки, ритуалы с питьем крови и даже убийства.

По мере того как воспоминания становились все более материальными и тяжелыми, сбиваясь в огромную глыбу боли и ужаса, женщины в группе Лоры сближались друг с другом. Верность группе стала основополагающим принципом их жизни, а любые контакты с семьей считались грубым нарушением. «Меня постоянно порицали и критиковали за то, что я жила рядом со своей семьей», – говорит Лора. Еще одну женщину в группе Лоры психотерапевт постоянно убеждал в том, что ее родители были членами сатанинской секты и занимали там весьма высокое положение; психотерапевт верил, что, если она будет поддерживать с ними контакт, они убьют ее, ведь она выдала их секреты. Открытки с поздравлениями к дню рождения и Рождеству члены группы считали коварными попытками снова заманить их в секту, или, если эта затея провалится, хотя бы расшатать их психику и довести в конце концов до самоубийства.

Хотя Эрин не посещала групповые сеансы, психотерапевт подтолкнул ее к тому, чтобы съехать из родительского дома. «Она постоянно мне говорила, что я беспомощная, незащищенная, уязвимая маленькая девочка, – объясняет Эрин. – Эти слова снова и снова звучали у меня в голове».

Разорвав все связи с семьей, со всех сторон осаждаемые воспоминаниями, парализованные подозрениями и страхом, женщины цеплялись за своих психотерапевтов, как ребенок хватается за родителя в надежде на спасение. Они доверяли своим психотерапевтам больше, чем себе. «Я идеализировала его, – признается Памела. – У него были ответы на все вопросы. Он говорил со мной так, будто изнасилования были фактом, не подлежащим сомнению. Он вел себя так авторитетно, что я не доверяла самой себе. Я боялась самой себя».

«Он был экспертом, кандидатом наук, – объясняет Мелоди. – Я доверяла ему. Я полагала, что он должен быть прав».

«Она была моим личным гуру, – говорит Элизабет. – Я верила, что она поможет мне во всем разобраться».

«Она была моим спасителем, – утверждает Эрин. – Я полностью ей доверяла».

«Я доверяла этому человеку всей душой, – пишет Лора. – Я делилась с ним мечтами, признавалась ему в грехах. Он был для меня матерью, отцом, братом и сестрой, моим лучшим другом, мужем, молодым человеком, тем, кто принимает решения и делает выбор, моим учителем и священником. Он стал для меня *всем*».

* * *

По мере того как терапия продолжалась и женщин призывали накапливать ужасные воспоминания, ими завладевал страх и гнев. «Меня переполнял гнев, – говорит Эрин. – Я хотела бить стекло и рвать в клочья телефонные книги».

«Мой гнев был постоянным, – пишет Лора. – Я ехала на машине по улице и выбрасывала бутылки из-под кока-колы в окно. Когда они разбивались, это меня успокаивало. Однако чем больше гнева я выплескивала, тем злее становилась. Я постоянно испытывала ярость».

«Я получила инвалидность и стала жить на пособие, потому что вспышки воспоминаний не давали мне нормально работать, – говорит Мелоди. – Эти “воспоминания” становились все более шокирующими и жестокими, и я чувствовала себя все хуже с каждым сеансом терапии. У меня появились признаки диссоциативного расстройства идентичности. Во время терапии мои симптомы только усугублялись, в конце концов у меня случился нервный срыв и я попала в больницу».

Памела была настолько помешана на мысли об инцесте и сексуальном насилии, что стала избегать физического контакта со своими детьми. «Мне было страшно купать или обнимать их, я боялась, что извращенные образы из моего подсознания внезапно завладеют мной. Я заставляла себя прикасаться к своим детям, но чувствовала вину, и мне чудилось, будто люди наблюдают за мной, подозревая, что я их насилую. Мне было страшно выходить из дома, даже просто на улицу. Я сходила с ума».

Элизабет убедила себя, что она проведет всю жизнь в психиатрической лечебнице и что ее лишат родительских прав. Уж лучше умереть, думала она. Элизабет несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством с помощью таблеток, причем подсказки она черпала из медицинского справочника, лежащего на столе у ее психотерапевта.

Весь этот ужас закончился странным и непредсказуемым образом. В больнице, куда Мелоди отправили из-за нервного срыва, ее лечили двое психиатров, которые усомнились в том, стоит ли буквально интерпретировать воспоминания, не существовавшие до начала терапии. «Они помогли мне понять, что мои воспоминания были нереальны и представляли собой нечто вроде галлюцинаций или обрывков фантазий», – говорит Мелоди.

Элизабет проходила лечение у психиатра уже более трех лет, когда ей позвонили и сообщили об отмене сеанса. Причину не уточнили. Тогда Элизабет позвонила в офис психиатра и настояла на разговоре с ним. Он сказал, что, по его мнению, все члены группы «сговорились» против нее. И тогда Элизабет приняла очень сложное решение – прекратить любые отношения с группой. На следующий день она получила заказное письмо, в котором психиатр предложил ей увеличить прием препаратов и перенаправил к другому психотерапевту, чтобы не прервать курс терапии.

Эрин начала сомневаться в своих воспоминаниях, когда ей позвонила подруга детства. «Я знаю тебя с четырех лет и твои родители никогда тебя не насильовали, – сказала она. – Ты стала жертвой неправильного лечения. Я два года не получала от тебя вестей, какой психотерапевт заставит своего пациента игнорировать друзей?»

После этого телефонного разговора у Эрин началась паника. «Я все бросила ради этого, – думала она. – А что, если я купилась на обман?» Несколько месяцев спустя, работая вожатой в летнем лагере, она взяла одного из детей на прогулку по озеру.

«Вожатая, мне нужно кое-что вам рассказать, – сказала восьмилетняя девочка после долгого молчания. – Мой папа спит со мной».

Эрин повернулась и посмотрела на девочку, которая уставилась на дно лодки, крепко сжав руки. Ее лицо выражало полное отчаяние. Правда сильно потрясла Эрин. «Я не была такой же замкнутой, – подумала она. – Я не была в депрессии или в отчаянии. Я была счастливым ребенком». В этот момент озарения она поняла, что приняла чужую личность. Она не была жертвой инцеста.

Однажды утром священник Памелы заглянул к ней домой и внимательно выслушал ее длинную историю об изнасиловании и о том, как она это пережила. И священник ответил ей настолько мягко, насколько мог, что, по его мнению, психотерапевт ввел ее в заблуждение и назначил неверное лечение. «Прости, Памела, – сказал он, – но даже речи не идет о том, что тебе становится лучше, только хуже. Неважно, что случилось с тобой в прошлом, но это явно не лучший способ исправить положение».

Сначала Памела очень разозлилась на него и попыталась защититься, однако через пару часов, когда священник ушел, она впервые за много лет засмеялась. «Он дал мне разрешение покончить с этим», – понимает она теперь. Несколько дней спустя она рассказала психотерапевту о встрече со священником. Психотерапевт, убирая папку в шкаф, внезапно хлопнула дверцей. «Как этот человек смеет отрицать твою боль?» – сказала она.

Памела считает, что Господь ответил на ее молитвы неожиданным способом. «Я никогда не переставала молиться. Временами, когда мне казалось, что я так больше не могу, что мои страдания невыносимы, я падала на колени и взывала к Господу: защити меня, помоги мне, пожалуйста, верни мне мои воспоминания! Когда я молилась, в душе я всегда знала, что он мог бы сказать мне: «Потерпи, это скоро закончится». Я думаю, Господь дал мне ответ, но не такой, какого я ожидала.

* * *

Прошли годы. Элизабет, Памела, Мелоди и Эрин постепенно восстанавливают силы и душевное равновесие. Однако до полного выздоровления еще далеко. Все они жалеют о потерянном времени, о годах, проведенных в безуспешных попытках вспомнить прошлое, которого никогда не было. Они жалеют о том, что причинили страдания мужьям, детям, родителям и друзьям. Они с болью вспоминают о потерянной невинности и доверии, подаренном не тому человеку. И все они винят своих психотерапевтов.

«Я порвала с семьей из-за моего психотерапевта, – говорит Эрин. – Когда я бросила терапию два года назад, то извинилась перед своим отцом и братом, которых я обвиняла в сексуальных домогательствах. Они не винят меня в том, что случилось во время терапии, но я страдаю от ужасного чувства вины. На меня накатывают волны грусти и беспокойства, и мне часто кажется, что я потеряла контроль над своей жизнью».

«На эту терапию безвозвратно потрачены годы, и все это время я эмоционально дистанцировалась от своей семьи, – пишет Лора. – Мне сложно кому-либо доверять. Специалисты пугают меня до смерти. Наше с дочерью финансовое положение до сих пор шатко, мы практически потеряли дом. У меня нет машины. Я мать-одиночка и должна была эмоционально поддерживать свою дочь. Но я этого не делала. Вся моя энергия, вся моя жизнь были посвящены психотерапевту».

«Я потеряла работу, мой муж подал на развод, я лишилась семьи, – говорит Мелоди. – Я чувствую себя лучше с тех пор, как бросила терапию. Но все еще беспокоюсь и недоумеваю: как это могло со мной случиться?»

Элизабет борется с чувством отчаяния и проблемами с самооценкой. «Я чувствую себя глупой, обманутой, разгневанной. Как я могла позволить этому произойти со мной, с моей семьей, с моими детьми?»

Памела ей вторит: «Как это могло случиться?»

«Как отношения с психотерапевтом могли стать единственным приоритетом в моей жизни на четыре долгих года? – спрашивает Лора. – Как можно было продать душу обычному человеку?»

* * *

Ответы на эти вопросы продолжают ускользать от женщин, и они борются с чувствами стыда, смятения, печали и гнева. Они порицают себя за то, что с такой легкостью и готовностью доверились другому человеку. Они клянутся, что больше никогда не совершат такой глупости. И они боятся за других людей, наивно ищущих ответы на вопросы, на которые ответить невозможно.

По их словам, семьи «разбиваются вдребезги» из-за «неуместных советов» «бестолковых» и «чрезмерно старательных» терапевтов. «Невероятная преступная халатность» и «неэтичное непрофессиональное лечение» приводят к «бессмысленному разрушению» семей. Их друзья все еще не могут выбраться из «запутанного лабиринта лжи и обмана», они все еще находятся во власти «параноидальных иллюзий», навязанных психотерапевтом, все еще пребывают «в плену своих убеждений».

Возможно, самая жестокая ирония заключается в том, что Элизабет, Памела и Лора теперь вынуждены бояться собственных детей. Они знают, как легко довериться авторитетному человеку, когда ты настолько невинен и безгрешен, и как легко злоупотребить этим доверием. Недавно Элизабет вместе со своей двадцатилетней дочерью прочитала перечень симптомов пережитого инцеста из той самой книги. «Ты знаешь, мам, – сказала ее дочь, смеясь, – это описание подойдет и для меня, и для всех моих друзей».

«Мы потом смеялись над этим, – говорит Элизабет, – но тот разговор напугал меня. Как я могу знать, что моя дочь через десять, пятнадцать лет не обратится к своему прошлому и не задастся вопросом: а что *на самом деле* тогда случилось? Может, и она заподозрит, что у нее есть вытесненные воспоминания? Может, однажды она позвонит мне и скажет: “Мам, я была у психотерапевта и внезапно вспомнила...”»

Голос Элизабет прерывается. Она делает глубокий вдох. «Откуда мне знать, что однажды она не обвинит меня?»

5

Борода Господа и рога дьявола

Мы живем в расколотой надвое империи, где одни мысли, эмоции и действия исходят от Бога, а другие – те, что им противостоят, – от дьявола. Большинство людей не способны узреть мораль, не познав греха, так же как нельзя понять, что есть земля, если бы «небеса» не простирались над нею. Со времен 1692 года значительные, но поверхностные изменения стерли представление о бороде Господа и рогах дьявола, но мир все еще находится в тисках двух диаметрально противоположных абсолютов. Концепция единства, которая предполагает, что позитивное и негативное являются составляющими одной и той же силы, что добро и зло относительно, изменчивы и всегда связаны с одним и тем же явлением, – такое представление все еще свойственно лишь естественным наукам и меньшинству, которому удалось постичь смысл истории идей.

Артур Миллер. Суровое испытание

Массовые движения могут появиться на свет и распространиться без веры в Бога, но без веры в дьявола не могут никогда!⁵

Эрик Хоффер. Истинноверующий

В области психотерапии что-то пошло не так, и, поскольку это что-то связано с воспоминаниями, я оказалась в самом центре дебатов, становящихся все более бурными и ожесточенными. По одну сторону находятся «истинноверующие», которые настаивают на том, что сознание способно вытеснять воспоминания, и которые не сомневаются в подлинности восстановленных воспоминаний. По другую сторону находятся «скептики». Они утверждают, что феномен вытеснения – это лишь гипотеза, до сих пор не доказанная и, в сущности, основанная лишь на домыслах и историях, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Кое-кто из наименее сдержанных скептиков называет разговоры о вытеснении воспоминаний «психомгией», «пусканием пыли в глаза» или попросту «ерундой».

Истинноверующие заявляют о своих высоких моральных принципах. Они настаивают, что ведут борьбу на передовой: защищают детей от сексуальных маньяков и помогают жертвам сексуального насилия во время трудного периода восстановления. Тут есть подтекст, о котором не говорят вслух, но который читается между строк: каждый, кто отказывается встать на сторону истинноверующих в их борьбе за восстановление правды о потаенном прошлом и включение термина «вытеснение» в официальное законодательство, это либо человек, который ненавидит женщин и детей, либо противник прогресса, либо и вовсе «нечисть», то есть практикующий педофил или сатанист.

Скептики пытаются уклониться от такого рода обвинений, говоря о том, что установление научной истины требует доказательств, однако и сами не боятся запустить в оппонента пару ядовитых стрел. По мнению самых прямолинейных и злоязычных скептиков, психотерапевты, специализирующиеся на восстановлении воспоминаний, работают с выдуманным миром, где существуют волшебная пыльца и мифические монстры. Пребывая в прискорбном неведении о современных исследованиях, применяя «грубый психиатрический анализ», довольствуясь неоправданно упрощенным подходом и занимаясь «инцестуальным взаимным цитированием»,

⁵ Пер. М. М. Ланиной.

эти чересчур усердные врачи возвращают фальшивые воспоминания в сознании своих легко внушаемых клиентов, делают из них «пожизненных пациентов» и разрушают семьи.

Очевидно, что это нечто большее, чем просто научная дискуссия о способности разума похоронить воспоминания, а потом воскресить спустя годы. Вопросы, связанные с самим понятием «вытеснение», относятся к самым противоречивым темам когнитивной и клинической психологии. Среди них: роль гипноза в терапии и в судебных разбирательствах, сила внушения, теория о влиянии социума, очень популярные в последнее время диагнозы – посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и расстройство множественной личности (в DSM-IV используется термин «диссоциативное расстройство личности»), а также внутренний ребенок и неблагополучная семья, порнография, сатанинские культы, фабрики слухов, кампании в защиту нравственности, похищение инопланетянами, спровоцированная СМИ истерия и, конечно, нельзя обойти и вопрос политкорректности.

Я слышу свист пуль и ныряю в укрытие. Мои исследования, посвященные гибкости человеческой памяти, ставят меня в один ряд со скептиками, однако и к мнению истинноверующих я отношусь с пониманием. Я не хочу возвращаться в столь недавние времена, когда мольбы о помощи оставались неслышанными, когда обвинения в сексуальном насилии автоматически причислялись к фантазиям, когда жертв обвиняли в том, что они принимают желаемое за действительное, и предпочитали не замечать. Но я также не могу игнорировать тот факт, что огромное количество фанатичных психотерапевтов сегодня не задумываясь возвращают ложные воспоминания в уязвимом сознании своих клиентов.

Я не думаю, что мир столь четко делится на черное и белое. Поэтому я настаиваю на том, что необходимо исследовать серые области, где царят неопределенность и противоречия, задавать вопросы, внимательно слушать, стараться разобраться в спорных и противоречащих друг другу точках зрения. Я отвечаю на письма истинноверующих, напечатанные мелким шрифтом на десяти страницах, я часами разговариваю с ними по телефону, я встречаюсь с ними в кофейнях в аэропорту и в ресторанах отелей, где они рассказывают мне свои истории и умоляют встать на их сторону.

«Разве вы не видите, какой вред наносите?» – спрашивают они. И настаивают: «Все достижения феминистского движения за последние двадцать лет будут уничтожены, если вы и иже с вами продолжите ставить под сомнение эти воспоминания».

«Если бы вы только могли увидеть всю ту боль, все те мучения, которые испытывает мой клиент, – умоляет меня какой-нибудь психотерапевт, – вы бы поняли, что эти воспоминания основаны на реальных, а не выдуманных событиях».

Я слушаю и пытаюсь сопоставить этот гнев и ту боль, которую я наблюдала в историях «обвиняемых». Лысеющий семидесятилетний мужчина протягивает мне письмо, которое он недавно получил от адвоката своей дочери. Он и его жена держатся за руки и терпеливо ждут, пока я читаю официально выглядящий документ с украшенным завитками тиснением наверху страницы: «Присяжные адвокаты».

Уважаемый господин Смит, – так начинается письмо, – меня наняла Ваша дочь, которая намерена подать на Вас в суд за серьезный моральный ущерб, причиненный ей в детстве. Недавно она восстановила в памяти воспоминания о физическом и сексуальном насилии, которому ее подвергли Вы, ее отец, когда она была несовершеннолетней. Мы готовы урегулировать этот вопрос мирным путем при условии получения компенсации в размере 250 000 долларов. Если мы не получим от Вас ответ в течение четырех недель с даты, указанной в данном письме, мы подадим иск в суд и потребуем значительно большую сумму.

Обвиняемая мать показывает мне выцветшую фотографию ее «малышки» – самой младшей из ее пятерых детей, – которую она не видела больше трех лет.

– Она обратилась к психотерапевту за помощью после того, как ее жестоко избил муж-алкоголик, – объясняет мне эта седая женщина, бережно держа в руках фотографию тридцатилетней давности. – Пока она ходила на сеансы, она оставляла с нами двух своих маленьких детей. Но несколько месяцев спустя у нее начали появляться непроизвольные воспоминания о том, как ее насиловал отец, когда ей было всего пять месяцев. Она написала нам письмо, в котором сказала, что больше никогда не желает нас видеть. Она запретила нам видеться и общаться с внуками.

– Я не маньяк-педофил, – говорит обвиненный в насилии отец. По его щекам текут слезы. – Как моя дочь могла сказать обо мне такое? Откуда взялись эти воспоминания?

Я беру телефон и обзваниваю детей, которые обвиняют своих родителей в насилии, надеясь... на что? На примирение?

– Но я не могу закрыть глаза на правду, – говорят мне голоса на том конце провода.

– Он сделал то, что сделал, ему нужно признать это и попросить, чтобы я его простила.

– Я не несу ответственности за боль моих родителей.

– Люди должны верить словам детей.

– Мир – небезопасное место.

– Я всего лишь хочу защитить других детей.

– Правда подарила мне свободу.

– Родители врут, – краснея от гнева, говорит мне адвокат девушки, подвергшейся в детстве насилию. Она приводит часто повторяющуюся, но от этого не менее шокирующую статистику: каждая третья девушка подвергается насилию до достижения восемнадцати лет.

– Но эта статистика, – вежливо прерываю я ее, – основывается на широком определении сексуального насилия, которое включает в себя хватание за грудь или ягодицы, прикрытые одеждой, поглаживание по ноге и влажный непрошенный поцелуй, которым тебя на свадебном банкете одаривает какой-нибудь пьяный мужчина.

– Если вы сомневаетесь в статистике, – повышает голос моя собеседница, – почему бы вам тогда не посетить окружной центр для жертв насилия или приют для женщин, подвергшихся насилию? Эти женщины и дети – не статистика, а реальные люди, и их страдания тоже реальны.

Я перестала оспаривать статистику.

– Я не могу описать эту боль, – говорит мне обвиняемая мать. – Если ребенок умирает, ты учишься справляться с горем, но я каждое утро просыпаюсь в этом кошмаре и каждую ночь засыпаю с ним, и, пока я сплю, ничего не меняется.

– Я думаю, боже мой, неужели это и правда могло случиться? Неужели *я сам* вытеснил воспоминания об изнасиловании своих детей? – говорит ее муж, терпеливо ожидая своей очереди, чтобы облечь собственную боль в слова. – А потом я думаю: как можно такое забыть, как я мог касаться своих детей, а потом вытеснить все воспоминания об этом? Нет, нет, *нет*. Я не забывал, потому что этого никогда не было. Этого просто никогда не было.

Они смотрят на меня с мольбой во взгляде. *Вы понимаете? Вы мне верите?*

Одну из самых пронзительных историй рассказала мне тридцатилетняя женщина, которая по иронии судьбы имеет образование психотерапевта. Ее история, возможно, запутаннее большинства других, потому что в детстве она сама стала жертвой сексуального насилия.

Я многое знаю о виктимизации, потому что сама была жертвой. Когда я училась в начальной школе, я подверглась сексуальным домогательствам. К слову, это были не мои родители. И еще: я никогда об этом не забывала, ни на один день. Но из-за глубокого чувства стыда, как и многие другие жертвы насилия, я молчала об этом больше двадцати лет.

Затем однажды я рассказала об изнасиловании своей сестре. В конце концов она начала подозревать, что тоже была изнасилована. У нее не было никаких воспоминаний об этом, никаких зацепок, причин, лиц, имен, ни одного ничтожного доказательства. Она и еще одна моя сестра начали обсуждать свои идеи и подозрения. Они отталкивались от идей и чувств друг друга, и со временем начали видеть сны о том, как их насилуют.

Они обвинили моего дедушку, дядю, а затем и отца. Их заявления становились все более абсурдными и теперь уже затрагивали нашу мать, моего старшего брата, дядьев, тетю, двоюродных братьев и сестер, друзей и соседей. Мои родители стояли и смотрели, как их семья рушится, словно картонный домик, и ничего не могли с этим поделать.

Мой шестилетний племянник, который вот уже больше года ходил на сеансы психотерапии к новому специалисту, потому что предыдущий не смог найти ни единого доказательства сексуального насилия, начал кое-что вспоминать. Он сказал, что моя мать, отец и старший брат, которого он не видел уже четыре года, его домогались. Через две недели после того, как мои родители оказались в списке тех, кто насилует моего племянника, я приступила к работе психотерапевта. Я проработала три дня, и на четвертый день мой куратор позвал меня к себе в кабинет, чтобы сообщить, что мой племянник назвал имена других людей, которые якобы его домогались. Я была в их числе. Меня уволили в ту же секунду и отправили на допрос в органы опеки и в полицию. Расследование заняло почти четыре месяца, и лишь после этого мое доброе имя было восстановлено.

Я сама была жертвой сексуального насилия, так что мне было бы легче, если бы меня застали с окровавленным ножом в руке рядом с трупом. Не проходит и дня, чтобы я не ощущала пустоту, оставшуюся на месте всего того и всех тех, кого я потеряла. Но глубоко в душе я знаю правду: я невиновна, и это факт, в котором не сомневаемся только я и Господь Бог. И этого никто не сможет у меня отнять.

«Эти люди отрицают случившееся», – возражают психотерапевты.

«Они используют тебя, – говорит мой друг. – Им нужны твои знания, чтобы каким-то образом подтвердить их правоту. Ты всего лишь игрушка в их руках».

«Тебе нужно выбираться из всего этого, пока ты не разрушила свою репутацию», – предупреждает другой друг.

* * *

Скептики велят мне перестать быть мямлей. «Это не тот вопрос, по которому можно занять нейтральную позицию», – говорят они.

«Некомпетентные психотерапевты ведут своих наивных пациентов, как скот на убой».

«Эти психотерапевты не просто дезинформированные, плохо обученные идиоты, – злится преподаватель социологии. – Они опасные фанатики, и их нужно остановить».

* * *

Обе стороны просят меня действовать осмотрительно. «Берегите себя, прошу», – пишет мне один психотерапевт.

«Будь осторожна», – предупреждает коллега.

«Смотрите в оба», – предостерегает журналист.

Автор анонимного письма с почтовой маркой небольшого города на Среднем Западе обвиняет меня в сотрудничестве с сатанистами. «Можете считать, что ваша работа сопоставима с действиями тех, кто отрицает существование концлагерей во время Второй мировой войны», – такими словами заканчивается это письмо.

«Это та специалистка по воспоминаниям, которая ненавидит детей?» – раздается в трубке мягкий женский голос.

«Мне есть что сказать о докторе Лофтус, – объявляет человек, дозвонившийся на местную радиопередачу. – Я думаю, она связана с группами крайне правых христиан, которые борются за восстановление патриархата...»

Я открываю газету и читаю новость о том, что мужчина, показания в защиту которого я давала на слушании по делу о педофилии, был жестоко убит. Двумя годами ранее Каару Сортланду и его жене Джуди были предъявлены обвинения в сексуальных домогательствах по отношению к трем детям в их детском саду. Одно обвинение было с них снято, а еще два судья отклонил, пояснив, что изначально дети отрицали сексуальное насилие и изменили свое мнение только после многочисленных психотерапевтических сессий и тщательных допросов следователей.

В ночь, когда Каара убили, он услышал шум рядом с домом и пошел разобраться, в чем дело. Его жена лишь услышала, как он закричал: «Я этого не делал!» Несколько мгновений спустя он уже лежал на посыпанной гравием подъездной дорожке, получив три выстрела в грудь из крупнокалиберного пистолета.

* * *

Я помню, как однажды – кажется, это было всего несколько лет назад – я сидела в кофейне отеля в Вашингтоне вместе с Гербертом Шпигелем, выдающим себя специалистом в области психиатрии и гипноза, и Эдвардом Фришхольцем, молодым экспертом в области когнитивной психологии, который заведует своей клиникой в Чикаго. За кофе с булочками мы оживленно беседовали о памяти, СМИ и удивительном возрождении феномена, получившего название «вытеснение». Я пересказала несколько любопытных историй и обескураживающих судебных дел, в которых мне пришлось участвовать, и мы поговорили о безумии в СМИ, которое началось с опубликованных в журнале *People* статей о вытесненных воспоминаниях Розанны Барр Арнольд и Мэрилин ван Дербер, которая победила в конкурсе «Мисс Америка» в 1958 году.

Во время возникшей в разговоре паузы Эд откинулся на стуле и спросил: «Что там, по-вашему, происходит?» Под словом «там» он, разумеется, имел в виду реальный мир.

Мы были искренне удивлены и немного застигнуты врасплох. Тогда я еще не знала, куда заведет меня этот вопрос и насколько далеко позади останется безопасная башня из слоновой кости, где можно было спокойно заниматься наукой. Я помню, как немного нервно засмеялась, обнимая друзей на прощание, и как, торопясь на самолет, пообещала отправить им по электронной почте рукописи своих последних статей. Обычное дело. Но мой мир и моя жизнь уже тогда начали радикально и неотвратимо меняться.

* * *

Я хочу понять, «что там происходит». Я живу, дышу, ем и сплю с мыслями о вытеснении. Я поддалась этой навязчивой идее, потому что, по моему мнению, происходящее в реальном мире чрезвычайно важно для понимания того, как работает память и почему она может дать сбой. В последнее время я ощущаю готовность покинуть лабораторию и начать работу в

экспериментальной психологии, несмотря на всю ее сложность, поскольку считаю, что наука начинается со ставящих в тупик вопросов и с дотошного разбора совпадений и общих схем.

Что же такое вытеснение? Откуда берутся вытесненные воспоминания? Являются ли они подлинными обрывками забытого прошлого или это всего лишь «пыль в глаза» – картинки, которые возникают, когда в сознание уязвимого человека внедряется внушенная ему идея? Какими бы ни были ответы, эти вопросы крайне важны. Я полагаю, что феномен вытеснения воспоминаний подставляет нам зеркало, в котором мы можем мимолетно увидеть отражение своего собственного сознания. Если мы готовы заглянуть в него, отбросив предубеждения и предрассудки, возможно, нам удастся открыть глубинную правду о нашей потребности чувствовать себя частью чего-то, быть любимыми, принятыми, понятыми, о нашей потребности в исцелении.

В исцелении – от чего? Как говорится, вот в чем вопрос.

6

Правда, которой никогда не было

Когда теряешь того, кого любишь, этот человек продолжает меняться. И позже ты думаешь: это все тот же человек, которого я когда-то потерял? Может быть, ты потерял больше или меньше – десятки тысяч различных деталей рождаются в твоей памяти или воображении, и ты уже не знаешь, что из этого реальность, а что вымысел.

Эми Тан. Жена кухонного бога (The Kitchen God's Wife)

*Память – это такая вещь, с помощью которой я забываю.
Объяснение ребенка*

В своей книге «Что они несли с собой» (The Things They Carried) Тим О'Брайен выделяет два вида истины: истина случившегося и истина, заключенная в рассказе. Истина случившегося – это неоспоримая черно-белая реальность, где «во столько-то случилось то-то, затем случилось это, а потом то». Истина, заключенная в рассказе, – это ее красочная версия, которая вдыхает жизнь и свет в голый скелет прошлого, пробуждая мертвых, разжигая чувства, вдохновляя на поиск смысла.

Выдумывание историй о прошлом – это «способ заново воссоединить душу и тело или создать для душ новые тела», – объясняет О'Брайен. Описывая свою службу во Вьетнаме, он предлагает две версии своего прошлого, причем обе они «правдивы».

Вот истина случившегося. Некогда я был солдатом. Было много трупов, реальных трупов реальных людей, но тогда я был молод и боялся на них смотреть. А теперь, двадцать лет спустя, мне остаются только безликая ответственность и безликое горе.

А вот вам истина, заключенная в рассказе. Это был парень лет двадцати – худощавый, можно сказать, красивый. Он был мертв и лежал на красной глинистой тропе возле деревушки Ми Кхе. Челюсть была у него в глотке. Один глаз был закрыт, на месте другого зияла дыра в форме звезды. Я его убил⁶.

Истории оживляют прошлое. Мы можем представить себя молодыми, снова пережить эмоции, которые мы когда-то испытывали (или которых избегали), мы можем сразиться с демонами, от которых раньше могли только сбежать, потому что были слишком напуганы, слишком молоды и слишком беспомощны, мы можем придумать новую развязку истории и даже воскресить мертвых.

Но есть одна загвоздка. Облекая плотью скелет истины случившегося, мы можем увлечься, попасть в плен наших собственных историй. Мы начинаем путать, где заканчивается истина случившегося и начинается истина, заключенная в рассказе, ведь последняя кажется более яркой, детальной и *реальной*, и именно она становится нашей реальностью. Мы начинаем жить в собственных историях.

Я помню одно лето, это было очень давно. Мне четырнадцать. Мы с мамой и тетей Перл поехали на каникулы в Пенсильванию к дяде Джо. Одним ясным солнечным утром я проснулась, а моя мама мертва – она утонула в бассейне.

⁶ За основу цитирования взят перевод А. А. Комаринца.

Это истина случившегося. Истина, заключенная в рассказе, немного отличается. В мыслях я часто возвращаюсь к этому событию, и с каждым разом воспоминание становится все более материальным и осязаемым. Я вижу величественные сосны, ощущаю свежий запах смолы, чувствую зеленую от водорослей озерную воду на своей коже и вкус холодного чая со свежесжатым лимонным соком, который готовил дядя Джо. Но сам момент смерти всегда оставался туманным и неясным. Я так и не увидела тело матери и не могла представить ее мертвой. Последнее, что я помню о ней, – как вечером накануне смерти она подошла ко мне на цыпочках, быстро обняла и прошептала «Люблю тебя».

Тридцать лет спустя, на праздновании девяностолетия дяди Джо, он рассказал, что именно я нашла маму в бассейне. После первого шока – «нет, это была тетя Перл, я спала, я ничего не помню» – воспоминания начали возвращаться – медленно и непредсказуемо, словно дымок, вьющийся над лагерным костром из сосновых бревен. Я видела себя – худенькую темноволосую девочку, которая смотрела на сверкающую голубую воду бассейна. Моя мама, одетая в ночную сорочку, лежала ничком на поверхности воды. «Мам? Мам?» – окликала я ее, повышая голос от ужаса. Я начала кричать. Я помню полицейские машины, их мигалки и носилки с чистой белой простыней, которую подоткнули под ее тело.

Конечно, все сходилось. Неудивительно, что меня всю жизнь преследовали обстоятельства смерти матери... воспоминания об этом всегда хранились в моей голове, просто я не могла до них добраться. Но теперь, когда я получила эту новую информацию, все встало на свои места. Возможно, это воспоминание, умершее и теперь вновь ожившее, могло объяснить мою одержимость искаженными воспоминаниями, мой маниакальный трудоголизм, мою жажду защищенности и безусловной любви.

За три дня мои воспоминания расширились и окрепли. Затем как-то рано утром мне позвонил брат и рассказал: мой дядя проверил факты и понял, что ошибся. Как оказалось, память его подвела. Он вспомнил (и другие родственники подтвердили это), что маму в бассейне нашла тетя Перл.

После этого телефонного разговора я осталась наедине со своим съезжившимся воспоминанием, сдувшимся, как проколотый воздушный шарик, и чувством удивления оттого, каким доверчивым может быть даже самый скептический ум. Всего лишь одно случайно оброненное предположение, и я тут же начала охоту за призраками внутри себя, усердно пытаюсь найти подтверждение этой информации. Когда мои воспоминания оказались выдумкой, я почувствовала странное желание вернуть себе правду-историю, такую яркую и динамичную. Это подробное, но полностью выдуманное воспоминание завораживало своей детальностью, проработанностью до мелочей, полным отсутствием неясных, туманных моментов. Я хотя бы знала, что случилось в этот день, в моем воспоминании были начало, середина и конец, по крайней мере, в нем все сходилось. Но когда оно исчезло, у меня осталось лишь несколько мрачных деталей, огромное количество пробелов и мучительная, бесконечная печаль.

* * *

Эйлин Франклин, рыжеволосая веснушчатая четвероклассница, и ее лучшая подруга Сьюзан Нейсон жили в Фостер-Сити, пригороде, где селились представители среднего класса, в 29 километрах к югу от Сан-Франциско. За пять дней до той даты, когда ей должно было исполниться девять лет, 22 сентября 1969 года, Сьюзан исчезла. Два месяца спустя ее тело нашли в лесу неподалеку от дороги на Халф-Мун-Бей, примерно в восьми километрах к востоку от Фостер-Сити. Ее череп был проломлен тяжелым предметом.

Около двадцати лет это убийство оставалось загадкой. А затем началась история, которая за одну ночь сделала термин «вытеснение» обыденным словом, а Эйлин Франклин – знаменитостью. Полиция предъявила обвинения Джорджу Франклину, которому на тот момент

был пятьдесят один год, в убийстве Сюзан Нейсон. Единственным доказательством его вины были показания дочери, которая заявила, что стала свидетельницей убийства, но вытеснила воспоминания об этом из своего сознания на двадцать с лишним лет.

Это – истинно случившееся с Эйлин Франклин. Другие факты, столь же неоспоримые, будут раскрыты в этой истории о сексуальном насилии, убийстве и вытесненных воспоминаниях, но они так искусно переплетены с деталями рассказа о том, что случилось «в тридесатом царстве», что уже никто, даже сама Эйлин Франклин, не может сказать, что произошло на самом деле. Настоящая правда похоронена вместе с маленькой девочкой, убитой много лет назад.

* * *

Все началось в залитой солнцем комнате. Эйлин Франклин, красивая двадцатидевятилетняя женщина с длинными рыжими волосами, держала на руках своего двухлетнего сына и смотрела, как он с аппетитом ест из бутылочки. Ее дочь с двумя подружками сидела на ковре у ее ног в куче карандашей и раскрасок. Время от времени они подпевали детской песенке, звучащей из стереосистемы. Стояла солнечная калифорнийская зима, и, когда Эйлин выглянула из окна гостиной, она поняла, что на улице достаточно тепло, чтобы разрешить детям поплескаться в бассейне.

– Правда, мамочка? – Шестилетняя Джессика повернула к Эйлин милое веснушчатое личико, ожидая подтверждения. Солнечный свет пробивался сквозь шторы, подчеркивая пшеничный отлив в волосах Джессики и рисуя на полу замысловатые узоры из света и тени. В этот момент, когда она смотрела в глаза дочери, к ней вернулись воспоминания, и идеальный мир Эйлин Франклин погрузился в хаос.

В ее сознании промелькнула яркая картина¹: Эйлин увидела свою лучшую подругу, восьмилетнюю Сюзан Нейсон, сидящей на камне в лесу. Позади нее виднелся освещенный солнцем силуэт мужчины, держащего над головой тяжелый камень. Подняв руки, чтобы защитить себя от мужчины, который двигался в ее сторону, Сюзан взглянула на Эйлин. В ее широко распахнутых глазах читался страх и беспомощность. Через несколько мгновений мужчина с силой обрушил удар на ее голову. Камень проломил череп Сюзан, а Эйлин закрыла уши, чтобы не слышать, как разрывается плоть и трещит кость.

Эта вспышка заставила Эйлин поверить, что ей удалось восстановить контакт с забытым прошлым. Воспоминание, похороненное на двадцать лет – почти на две трети ее жизни, – вернулось без какого-либо предупреждения или предостережения и раскрыло ей ужасную правду: она стала свидетелем убийства своей лучшей подруги. Но это непроизвольное воспоминание раскрыло и другой жуткий факт: убийцей Сюзан был Джордж Франклин, отец Эйлин.

* * *

На протяжении нескольких месяцев Эйлин пыталась избегать мыслей об этом воспоминании, но, несмотря на все ее попытки не впускать его в свое сознание, оно непрестанно возвращалось, обрастая подробностями. Эйлин стала бояться, что вот-вот потеряет рассудок. В конце концов она раскрыла свой секрет психотерапевту, который заверил ее в том, что она вовсе не сошла с ума. В итоге она решила поделиться этим со своим братом, тремя сестрами и матерью. В ноябре 1989 года, через десять месяцев после того, как к ней вернулось то воспоминание, Эйлин решила рассказать обо всем мужу, который настоял, чтобы она позвонила в полицию. После нескольких разговоров с сотрудниками прокуратуры округа Сан-Матео, во время которых Эйлин детально рассказала о произошедшем убийстве, помощник окружного

прокурора Марти Мюррей счел ее историю достаточно правдоподобной, чтобы начать расследование. Вести дело поручили детективам Роберту Морсу и Брайану Кассандро.

Двадцать пятого ноября 1989 года Эйлин Франклин вместе с Морсом и Кассандро села в своей гостиной, чтобы поведать им невероятные детали веселой прогулки, которая закончилась изнасилованием и убийством. Она помнила все очень четко: краски, звуки, текстуры, эмоции и разговоры, которые она воспроизводила слово в слово. Слушая, как Эйлин по порядку описывает мельчайшие подробности, лишь иногда спотыкаясь, детективы переглянулись. Каким бы удивительным это ни казалось, было похоже, что женщина говорит правду.

Она начала свой рассказ с событий раннего утра понедельника 22 сентября 1969 года, когда она училась в четвертом классе. Джордж Франклин вез Эйлин и ее сестру Дженис в школу на бежевом семейном фургоне «фольксваген», когда Эйлин вдруг заметила идущую по улице Сюзан Нейсон. Она попросила отца подвезти Сюзан. Эйлин вспомнила, что, когда Сюзан запрыгнула в фургон, ее отец велел Дженис вылезти.

Джордж Франклин немного повозил Эйлин и Сюзан по округе, а потом в какой-то момент остановился около начальной школы, где они учились, словно собираясь их высадить. Но вместо этого он сказал, что сегодня они прогуляют уроки. Они продолжили кататься и в конце концов направились к холмам у шоссе на Халф-Мун-Бей и там съехали с дороги в лес. Эйлин и Сюзан немного поиграли, резвясь между кустов и деревьев, а потом залезли обратно в фургон. Они бегали туда-сюда от одноместных передних сидений к задней части фургона и прыгали на накрытой матрасом фанерной кровати.

Джордж Франклин забрался в фургон и стал играть вместе с ними на кровати. Эйлин была на переднем сиденье, когда ее отец забрался на Сюзан сверху. «Отец навалился на Сюзан, – рассказала Эйлин детективам, – ее ноги свисали с края кровати ближе к переднему сиденью. Он запрокинул ей руки, держа за оба запястья, и с обеих сторон локтями сжал... ее тело. Потом он начал... э-э... тереться об нее и двигаться толчками... и... э-э... он продолжал делать это, а я отошла от переднего сиденья и вернулась туда, где лежали они. Я посмотрела прямо в лицо Сюзан и испугалась». Когда отец задрал Сюзан платье, Эйлин увидела «под ним что-то белое», возможно подбюбник или сорочку.

Эйлин свернулась калачиком рядом с кроватью, а ее отец тем временем заканчивал со Сюзан. Потом они со Сюзан, которая теперь плакала, вылезли из фургона. Сюзан подошла «к какому-то месту или возвышенности» и села. Эйлин осталась около машины, нагнулась и подняла упавший с дерева листок. Подняв взгляд, она увидела льющийся сквозь листву солнечный свет и отца, стоящего над Сюзан с камнем в занесенной над ней руке: правой рукой и ногой он подался вперед. Сюзан подняла глаза, скользнула взглядом по Эйлин и обеими руками закрыла голову. Камень с размаху опустился на нее. Эйлин закричала, услышав хруст раздробленной от удара кости.

Потом отец схватил ее, бросил на землю, прижал ее лицо к опавшей листве и сказал, что убьет ее, если она кому-нибудь расскажет, что ей все равно никто не поверит, что ее заберут и запрут в психушку. Когда она перестала кричать, он поднял ее на ноги и посадил к себе на колено. Он велел ей забыть о том, что произошло: все закончилось. Он взял из фургона лопату и начал копать. С помощью Эйлин он вытащил из машины матрас, проклиная ее за неуклюжесть. Она залезла в фургон, опустила голову и свернулась калачиком рядом с сиденьем. Раздвижная дверь захлопнулась, и они уехали. Она умоляла отца не оставлять Сюзан, потому что ей будет страшно, и она замерзнет. Но он продолжал ехать дальше, игнорируя ее неистовые мольбы. Когда они приехали домой, Эйлин сразу пошла к себе в комнату и забралась в постель.

Когда Эйлин закончила свой рассказ, детективы подробно ее расспросили, и она ответила, упомянув еще больше поразительных деталей. Вокруг было много деревьев? Да, довольно много, три тонких деревца стояли зигзагом, а справа росло еще больше деревьев. По какой дороге они ехали? По проселочной, без асфальта. Кажется, во время одного из своих телефон-

ных звонков в полицию она упомянула что-то о кольце? Да, Сюзан носила «серебряное кольцо с камнем... она закрыла руками голову», защищаясь от удара камнем.

На каком расстоянии от Сюзан находилась Эйлин, когда ее отец подошел к девочке, держа в руках камень? Метров шесть. Когда он насильовал Сюзан, он что-нибудь говорил? Он говорил «Сьюзи». Не «Сюзан», добавила Эйлин, а «Сьюзи». Он был пьян? Да, он пил пиво из «металлической банки с этикеткой, на которой была нарисована гора и детали серебряного, рыжевато-коричневого и белого цвета». Что было на нем надето? Коричневые вельветовые брюки Levi's и шерстяной джемпер, а под ним – белая футболка с короткими рукавами и круглым вырезом. Какого цвета были его волосы? «Коричневато-рыжие с проседью». Сюзан говорила что-нибудь, пока Джордж Франклин ее насильовал? Она говорила «нет», а потом «прекратите».

Беседа закончилась в 15:22, продлившись три часа. После того как текст записанного на магнитофон разговора был напечатан на бумаге, оказалось, что он занимает тридцать три страницы.

Детективы ушли от Эйлин Франклин в полной уверенности, что она говорила правду. Кольцо, камень, матрас, лес, окружавший место убийства, даже руки Сюзан, которыми она пыталась укрыться от удара, – все совпадало с материалами дела.

– Ты ей веришь? – спросил Кассандро детектива Морса на обратном пути.

– Ага, – ответил Морс.

– Я тоже, – сказал Кассандро.

Через три дня детективы поехали в квартиру Джорджа Франклина в Сакраменто и сообщили ему о том, что ведут дело о нераскрытом убийстве Сюзан Нейсон.

– Я в числе подозреваемых? – спросил Франклин.

Кассандро ответил, что да.

– Мне понадобится адвокат? – был его второй вопрос.

Однако окончательно детективов убедил третий вопрос Джорджа Франклина.

– Вы уже разговаривали с моей дочерью? – спросил он.

Детективы решили, что, будь он невиновен, он бы не стал вот так просто спрашивать, подозревают ли его в убийстве. Не стал бы он упоминать и свою дочь, если бы не боялся, что она им о чем-то рассказала². Будь он невиновен, он испытывал бы замешательство, расстройство, страх. Но Джордж Франклин просто стоял как истукан, не показывая никаких эмоций, словно ждал, что они придут.

Двадцать восьмого ноября 1989 года Джордж Франклин был арестован по подозрению в убийстве Сюзан Нейсон. Единственным доказательством его вины оставались воспоминания его дочери.

* * *

Когда летом 1990 года мне позвонил Даг Хорнград, адвокат, защищавший Джорджа Франклина, и спросил, не могу ли я выступить в роли приглашенного эксперта на заседании по делу его клиента, я, помнится, подумала: это самая странная история из всех, с которыми мне доводилось сталкиваться. Где же доказательства? Обвинения в убийстве обычно основываются на определенных объективных доказательствах (пятна крови, следы спермы, орудие убийства) или на ряде изобличающих косвенных улик. Но в данном случае расследование полагалось исключительно на правдоподобность воспоминания какой-то женщины о событии, свидетельницей которого она стала двадцать лет тому назад, восьмилетним ребенком, – воспоминания, которое, по-видимому, было бесследно утеряно и воскрешено лишь недавно. Насколько достоверным оно могло быть? Как обвинители могли выстроить дело против человека на основе воспоминания двадцатилетней давности, не подтвержденного никакими доказательствами?

Хорнград объяснил, что стороны обвинения и защиты собирались представить две версии случившегося. Сначала выступают обвинители и попытаются доказать свою правоту на основе того, что воспоминание реально. Если присяжные примут их аргументы, Джордж Франклин будет признан виновным. Адвокаты, выступающие в его защиту, попытаются доказать, что воспоминание нереально, что оно представляет собой результат смешения фактов (Сюзан Нейсон была убита) и домыслов (Эйлин Франклин стала свидетельницей убийства). Я, как приглашенный свидетель-эксперт, должна буду объяснить, как работают основные механизмы формирования и искажения воспоминаний. Если воспоминание Эйлин ложно, откуда взялись все эти красочные и преимущественно точные детали? Откуда Эйлин могла знать столько фактов о том, как выглядело место преступления, и почему она была так уверена и так убедительно рассказывала о том, что случилось в тот день?

«Она рассказала полицейским что-нибудь, что могло быть известно лишь непосредственному свидетелю убийства?» – спросила я Хорнграда.

«Все детали, о которых она рассказала детективам, можно найти в газетных статьях, опубликованных, когда Сюзан пропала, и два месяца спустя, когда было найдено ее тело», – ответил он. Он согласился выслать мне вырезки из газет и предварительное заявление Эйлин, чтобы я могла сравнить детали, упомянутые в ее заявлении, с фактами, о которых сообщалось в местной прессе.

Обвинители заявляли, что Эйлин были известны детали убийства, которых она никак не могла знать, если бы она не присутствовала на месте преступления. Если бы стороне защиты удалось доказать, что важные детали ее рассказа (камень, кольцо и матрас) широко обсуждались в СМИ и, следовательно, о них знал любой, кто читал газеты, смотрел телевизор или слушал чужие разговоры об убийстве, это бы означало, что Эйлин не сообщила полицейским ничего, о чем они не слышали раньше. Тогда обвинения, выдвинутые против Джорджа Франклина, основывались бы исключительно на предположениях и выводах, сделанных на основе «воспоминаний», которых, как призналась сама Эйлин, не было до того момента, пока она не посмотрела в глаза своей дочери и не «увидела» в красках всю сцену убийства. Если бы удалось найти все упомянутые ею детали в опубликованных статьях, не осталось бы никаких веских доказательств того, что убийцей был именно Джордж Франклин... А как можно вынести человеку приговор, если нет никаких доказательств его вины?

Газетные статьи многое прояснили. Детали, описанные Эйлин в ее предварительном заявлении, почти идеально совпадали с фактами об убийстве, упомянутыми в СМИ. Через три месяца после исчезновения Сюзан ее тело было найдено под матрасом в густых зарослях кустарника у края крутой насыпи рядом с выездом на шоссе у водохранилища Кристал-Спрингс. У девочки был расколот череп, а на килограммовом камне, найденном на месте преступления, остались следы крови. На Сюзан было голубое ситцевое платье, белые носки и коричневые кожаные туфли. Плетеное серебряное кольцо, которое она носила на правой руке, было раздавлено, а камень с него исчез – позднее его нашли члены поисковой группы.

Обо всем этом сообщалось в газетных статьях, опубликованных, когда было найдено тело Сюзан. Но некоторые из этих повсеместно обсуждавшихся деталей оказались не совсем точными. На самом деле Сюзан носила два кольца: серебряное индийское на правой руке и золотое с топазом – на левой. Автор одной из газетных статей перепутал их и написал, что камнем было инкрустировано серебряное кольцо. Двадцать лет спустя Эйлин сделала ту же самую ошибку в своем предварительном заявлении и рассказала о расплюсненном кольце с маленьким камнем, которое Сюзан якобы носила на правой руке.

Еще одним источником путаницы стал матрас, под которым нашли тело девочки. В одной газете упоминался матрас, а в другой верно сообщалось о пружинной кровати сетке (которая, как оказалось, была слишком большой, чтобы уместиться в фургоне Джорджа Франклина). К моменту предварительного слушания, которое состоялось через полгода после того, как

Эйлин в первый раз беседовала с детективами Морсом и Кассандро, она поменяла «матрас» в своих показаниях на «штуковину»: «Он сгорбился над телом Сьюзан и начал закладывать его камнями. Мне показалось, что я видела, как он накрывает ее этой штуковиной».

«Камни», которыми Франклин якобы закладывал тело Сьюзан, упоминались в публикациях об убийстве. Один камень был найден в складках платья девочки, и еще один, побольше, – рядом с ее телом. По словам патологоанатомов, любой из них мог быть использован в качестве орудия убийства. Почему же Эйлин не упоминала о том, что убийца «закладывал Сьюзан камнями» ранее, когда она детально рассказывала обо всем детективам Морсу и Кассандро?

На предварительном слушании Эйлин также назвала другое время убийства, изменив утро на вторую половину дня. Джордж Франклин не мог подобрать Сьюзан Нейсон по дороге в школу, как ранее утверждала Эйлин, потому что тем утром девочка ходила туда пешком. Она вернулась домой где-то около трех часов дня, поздоровалась с мамой, которая шила платье к вечеринке по случаю дня рождения дочери, и спросила, можно ли ей пойти домой к однокласснице, чтобы забрать теннисные туфли, которые она оставила в школе. Сьюзан ушла из дома примерно в пятнадцать минут четвертого. Несколько соседей помнят, что видели, как она шла по тротуару.

Около четырех или половины пятого Маргарет Нейсон начала беспокоиться о дочери, которая была ответственной девочкой и никогда не забывала сообщать матери, где находится (и никогда не пропускала обед). Маргарет села на велосипед и поехала искать Сьюзан. Время шло, а дочери нигде не было, и Маргарет начала паниковать. Около восьми часов вечера Нейсоны позвонили в полицию.

После первого разговора с детективами Морсом и Кассандро Эйлин изменила свои показания о времени убийства, так чтобы оно соответствовало известным фактам. Она объяснила, что чем больше она представляла себе силуэт отца, загораживающий солнце, тем яснее осознавала, что убийство не могло произойти утром. Эйлин сделала вывод, что Сьюзан должны были убить ближе к вечеру, потому что помнила, как свет клонящегося к горизонту солнца пробивался сквозь листву. Хотя позднее она заявляла, что ее воспоминание изменилось в конце ноября или в декабре 1989 года, прокурору она сообщила об этих изменениях лишь 9 мая 1990 года, всего за две недели до предварительного слушания.

Эйлин также изменила свои слова насчет того, что в фургоне находилась Дженис. Первоначально она сказала детективам, что, когда ее отец остановился, чтобы подобрать Сьюзан, в «фольксвагене» сидела Дженис и что, когда Сьюзан забралась внутрь, Джордж Франклин заставил Дженис выйти. Однако в заявлении, сделанном перед прокурором 9 мая, Эйлин снова пересмотрела свои показания и заявила, что помнит Дженис на фоне поля около того места, где ее отец остановился, чтобы подобрать Сьюзан.

«Чем больше я на этом концентрировалась и старалась максимально отчетливо вспомнить, как именно все произошло, – говорила Эйлин на предварительном слушании, – тем больше я сомневалась в том, что Дженис была в фургоне. И чем больше я сомневалась, тем усерднее старалась сконцентрироваться, чтобы вспомнить эту деталь. Потом, спустя, я бы сказала, несколько недель, я просто... мне казалось все более очевидным, что я помнила ее стоящей около фургона, а сомневалась я лишь в том, сидела ли она внутри с самого начала. Я склоняюсь к тому, что она была снаружи. Не знаю, почему раньше мне казалось, что она сидела внутри».

* * *

Все эти добавления и исправления, которые Эйлин вносила в свой рассказ об убийстве, подтверждают то, что известно ученым о гибкости человеческой памяти. Воспоминания постепенно меняются, и чем больше времени проходит, тем больше накапливается искажений. Наш

разум непрерывно впитывает дополнительные факты и детали, а первоначальное воспоминание постепенно видоизменяется.

Воспоминание Эйлин показалось мне абсолютно нормальным. Разумеется, она помнила свою лучшую подругу и не могла забыть, что Сьюзан была зверски убита. Но что произошло с этими двумя основополагающими, незыблемыми фактами за двадцать лет? По меньшей мере существует вероятность того, что память Эйлин впитала в себя факты, почерпнутые из газет и телерепортажей, к которым приложились детали из повседневных разговоров, и все это соединилось во вполне осмысленную историю. Возможно, разум Эйлин взял за основу разрозненные факты о бессмысленном убийстве, смешал их с фантазиями и страхами, добавил немного сплетен и недомолвок и пришел к ложному выводу, что в тот день она находилась в лесу и видела, как ее отец изнасиловал и убил ее лучшую подругу. Разум Эйлин превратил истину случившегося в связное повествование с яркими деталями и моралью, то есть в истину, заключенную в рассказе.

Сторона обвинения утверждала, что этот рассказ – достоверное изложение событий, а тот факт, что Эйлин сначала все забыла, а потом внезапно вспомнила, они объяснили тем, что она якобы вытеснила эти воспоминания из сознания. По их мнению, расхождения в рассказах Эйлин вовсе не доказывали, что ее воспоминания ложные, просто их следовало немного подкорректировать.

Когда впервые возникла идея о вытеснении? В ноябре 1989 года, когда Эйлин позвонила в полицию, чтобы дать предварительные показания детективам Морсу и Кассандро, она ни разу не упомянула о «вытесненном» воспоминании. Когда детективы спросили ее, почему она решила выдвинуть обвинения против отца только сейчас, через двадцать лет после убийства, она объяснила, что в последнее время ее воспоминание стало более ярким, что теперь оно было «не таким смутным». Через несколько недель, беседуя по телефону с Марти Мюрреем, она заявила, что вспомнила детали убийства во время сеансов интенсивной терапии. В ходе записанных на магнитофон телефонных разговоров она несколько раз упоминала, что держала это воспоминание в секрете, потому что отец пригрозил убить ее, если она кому-нибудь расскажет об убийстве.

Однако в декабре 1989 года Эйлин рассказала прокурору Мюррею, что воспоминание лишь недавно появилось в ее сознании. Вскоре после этого разговора она дала два газетных интервью, в которых объяснила, что воспоминание об убийстве было «заблокировано» и вернулось к ней внезапно, словно «вспышка». Во время беседы с репортером из газеты Mercury, выходящей в городе Сан-Хосе, она сказала, что забыла о преступлении уже через несколько дней после того, как Сьюзан была убита, и ничего о нем не помнила до тех пор, пока воспоминания не начали возвращаться к ней вспышками. Она вспоминала, как еще ребенком проходила мимо дома Нейсонов и чувствовала, как ее тело внезапно заставляло ее обходить его стороной («своего рода телесная память»). Она не могла понять причин этой необычной физической реакции, объясняла Эйлин, до тех пор, пока все вытесненное воспоминание не вернулось целиком.

В интервью газете Los Angeles Times Эйлин заявила, что ее сознание «заблокировало» воспоминание об убийстве сразу же после случившегося, и, лишь когда ее начали преследовать воспоминания-вспышки, в том числе образ ее отца, стоящего над Сьюзан Нейсон с камнем в руке, она решила позвонить в полицию.

Что спровоцировало эти вспышки? Брат Эйлин, Джордж-младший, рассказал любопытную историю. Эйлин позвонила ему в августе 1989 года и пригласила его в гости. Вскоре после того как он приехал, Эйлин призналась ему, что посещала сеансы психотерапии, на которых ее гипнотизировали. На следующий день она рассказала брату, что, находясь под гипнозом, видела, как их отец убивает Сьюзан Нейсон. В сентябре 1989 года Эйлин рассказала об этом воспоминании своей матери и призналась, что оно всплыло во время сеанса гипнотерапии.

Всего несколько месяцев спустя Эйлин рассказывала уже другую историю. После того как ее отец был арестован и обвинен в убийстве, Эйлин позвонила брату и спросила, разговаривал ли он с адвокатами, выступающими в защиту Джорджа Франклина. Он признался, что общался с ними, и тогда она быстро изменила свой рассказ о гипнозе и попросила его, чтобы он помог ей подтвердить новую версию. Она объяснила, что воспоминание вернулось к ней в ходе обычного сеанса психотерапии, что никто ее не гипнотизировал. «Пожалуйста, – умоляла она брата, – если позвонят из полиции, ничего не говори им о гипнозе».

По мнению Хорнграда, осенью 1990 года Эйлин узнала, что суд не принял бы ее воспоминание в качестве доказательства, если бы стало известно, что оно всплыло под гипнозом. Насколько он понял, либо мать Эйлин, работавшая адвокатом, либо юрист из Лос-Анджелеса, с которым она консультировалась перед тем, как обратиться в полицию, посвятили ее в правовые тонкости. В Калифорнии, как и во многих других штатах, не принимались свидетельские показания, основанные на восстановленных под гипнозом воспоминаниях, поскольку непроверяемые данные исследований подтверждали, что в таком состоянии человек крайне подвержен внушению, и его воспоминания можно изменить или даже создать новые.

Во время предварительного слушания, состоявшегося в мае 1990 года, Эйлин призналась, что солгала брату и матери, когда рассказывала им про сеансы гипноза. По ее словам, она поступила так, чтобы они ей поверили, на самом же деле ее никогда не гипнотизировали. Эйлин также отрицала сказанное ее старшей сестрой Кейт. Согласно показаниям Кейт, Эйлин позвонила ей как-то в начале ноября 1989 года, всего за две недели до того, как обратиться в полицию, и сказала, что воспоминание об убийстве Сьюзан пришло к ней во сне. Она сказала сестре, что в последнее время ей часто снились кошмары и что она решила возобновить сеансы психотерапии. Вскоре после этого ей приснился сон, в котором она увидела, как ее отец убивает Сьюзан Нейсон.

Была ли сцена убийства, всплывшая в сознании Эйлин, воспоминанием-вспышкой, сном, или оно возникло под гипнозом? Как настаивали обвинители, эта сцена представляла собой всего-навсего обычное «вытесненное» воспоминание. Слово «вытесненное» означает, что Эйлин не просто забыла об этой истории или хранила ее в секрете. Из-за того что воспоминание об убийстве было потенциально травматичным для психики Эйлин, ее разум удалил его. Воспоминание бесследно исчезло и двадцать лет оставалось изолированным от сознания девушки. Если бы в эти годы кто-нибудь сказал ей: «Эйлин, а может быть такое, что ты видела, как Сьюзан была убита?» или еще более конкретно: «Твою лучшую подругу убил твой отец?» – она бы испытала шок и замешательство и стала бы все отрицать, и никакой проблеск воспоминаний не пошатнул бы ее уверенности. Воспоминания об убийстве испарились, канули в небытие и не подавали ни малейших признаков жизни.

* * *

«Вытесненные воспоминания»... За этими словами скрываются темные секреты и зарытые сокровища, комнаты, где все покрыто пылью и паутиной, а из углов слышатся подозрительные шорохи. Вытеснение воспоминаний – это одно из самых тревожных и в то же время романтических понятий в психологии памяти: *что-то происходит* – что-то настолько шокирующее и пугающее, что в мозге происходит короткое замыкание, и нормальная работа памяти нарушается. Целое воспоминание или его кусочек откалывается и прячется. Где? Никто не знает, но мы можем представить себе, как потрескивают электрические заряды и вспыхивают голубые искорки нейронов, пока воспоминание заталкивается в самые дальние и недоступные уголки сознания. Там оно и остается на целые годы, десятилетия, может быть, навсегда – изолированное и защищенное, застывшее в анабиозе. Удаленное из лихорадочно работающего сознания, оно дремлет.

Время идет. И вот *что-то происходит*. Солнечный свет пробивается сквозь листву. На полу лежит черный кожаный ремень, свернувшийся, словно змея. Кто-то бросает неосторожное слово или фразу, или внезапно повисает странное, но знакомое молчание. И вдруг воспоминание всплывает из глубины сознания – идеально сохранившаяся картинка, поднимающаяся над неподвижными водами когда-то скованного льдом озера.

Что заставляет лед растаять и позволить покоившемуся на дне воспоминанию снова проникнуть в сознание? Где оно пряталось все эти годы? И откуда нам знать, что это реанимированное воспоминание (пусть оно и выглядит, звучит и ощущается как настоящее) не представляет собой отравленную смесь фактов и вымысла, снов и фантазий, страхов и желаний?

Когда я начала изучать журнальные статьи и учебные пособия, ища в них ответы на эти вопросы, я наткнулась на ужасающее безмолвие. Казалось, будто сама тема вытесненных воспоминаний находилась в спячке около сотни лет с тех пор, как Фрейд впервые сформулировал теорию о защитном механизме, который оберегает сознание от болезненных эмоций и переживаний. Я просмотрела второе издание книги Роберты Клацки «Память человека» (Human Memory) и не обнаружила в указателе ни одного упоминания о вытеснении воспоминаний. Я изучила указатель к пособию Юджина Цекмайстера и Стенли Найберга о работе человеческой памяти – с тем же результатом.

В конце концов я отыскала кое-какую информацию о вытесненных воспоминаниях в книге Алана Бэддели. Один из самых выдающихся британских исследователей памяти, Бэддели рассказывает об убежденности Зигмунда Фрейда в том, что эмоции способны блокировать воспоминания. В качестве примера он приводит случай, произошедший с двадцатилетней женщиной, которая лечилась у Пьера Жане, современника Фрейда. Она страдала от проблем с памятью, вызванных длительной болезнью, а затем смертью ее матери. Бэддели считает чрезвычайно важным вопрос выбора и намеренного избегания и делает вывод о том, что «крайне сложно четко установить, когда пациент совершенно теряет доступ к болезненным воспоминаниям, а когда избегает их по собственной воле».

По мнению Бэддели, хотя существуют доказательства того, что эмоции сильнее всего образом влияют на память, доказательства вытеснения в реальной жизни «гораздо менее убедительны», а «продемонстрировать процесс вытеснения воспоминаний в условиях эксперимента... оказалось крайне сложно». Многие специалисты настаивают, что это явление действительно существует, однако «такие увещания больше говорят об убеждениях самого увещателя, чем о достоверности его слов. Если [человек] повсюду видит доказательства вытеснения воспоминаний, так может, как и красота, они существуют лишь в глазах смотрящего?».

Я обратилась к академическим клиническим исследованиям и просмотрела несколько широко известных книг об инцесте и вызванной им психологической травме. Изучая популярную книгу Джудит Льюис Герман «Инцест между отцом и дочерью» (Father-Daughter Incest), я не обнаружила термина «вытеснение» ни в указателе, ни в самом тексте. Я все-таки нашла несколько отсылок к явлению вытеснения в классическом труде Элис Миллер о последствиях детской травмы «Драма одаренного ребенка» (The Drama of a Gifted Child). Миллер подробно рассказывает о необходимости выяснять правду о собственной жизни, которая «скрывается в темноте прошлого». Однако Миллер, очевидно, имеет в виду, что, стремясь выяснить эту правду, мы ищем не буквальные, достоверные воспоминания, а сильные потребности и эмоции, которые сознание травмированных детей выталкивает, потому что они живут в среде, лишенной сочувствия и заботы. Во вступлении к своей книге она пишет: «Мы знаем на собственном опыте, что для излечения душевных заболеваний есть очень действенное и весьма эффективное средство: правдиво рассказать себе историю своего единственного и неповторимого детства и эмоционально вновь пережить ее». А на заключительных страницах она делает

следующий вывод: «Помочь пациенту эмоционально воспринять свою жизненную историю и осмыслить ее, чтобы обрести новые жизненные силы – вот основная цель психотерапии»⁷.

На основании написанного Элис Миллер справедливо заключить, что, какую бы «правду» мы ни обнаружили в своих вытесненных или неосознанных воспоминаниях, она субъективно и по сути своей основана на эмоциях. Зигмунд Фрейд, впервые высказавший идею о вытеснении воспоминаний в своих трудах по психоанализу, также подчеркивал эмоциональную сущность этого явления. В представлении Фрейда вытеснение как защитный механизм позволяет отрицать или подавлять эмоции, потребности, чувства или намерения и избегать психологической «боли» (которая может выражаться в травме, тревоге, чувстве вины или стыда). В работе, опубликованной в 1915 году, Фрейд приводит ясную и емкую формулировку: «...сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания»⁸.

Случай Элизабет фон Р., одной из самых известных пациенток Фрейда, приводится в качестве классического примера вытеснения воспоминаний. Во время сеансов у Фрейда Элизабет испытывала невыносимую физическую боль каждый раз, когда проявлялось ее подсознательное желание (в конце концов ставшее сознательным), чтобы ее любимая сестра умерла, а она смогла выйти замуж за ее супруга. Фрейд сравнивал поиск вытесненных идей и желаний с тем, как слой за слоем археолог раскапывает погребенный под землей город. Но эти психологические «раскопки» на территории вытесненных воспоминаний продвигались очень медленно, ведь пациенты отчаянно стремились вновь засыпать вырытую Фрейдом яму. Похороненные чувства и переживания, выражаясь словами Фрейда, «расположены *концентрическими слоями вокруг патогенного ядра* <...> чем глубже в эти слои погружаешься, тем труднее пациенту признавать подлинность возникающих воспоминаний, вплоть до того, что от воспоминаний, близких к ядру, он отрывается уже в момент их воспроизведения»⁹.

Сны и запретные желания воспринимались как признаки того, что вытесненные воспоминания скоро выплывут наружу. Человек-волк, еще один известный пациент Фрейда, увидел несколько снов, прежде чем внезапно вспомнил, как его соблазняла сестра. А подавленное чувство сексуального желания, которое мисс Люси Р. испытывала по отношению к своему работодателю, по всей видимости, усилило ее истерические симптомы. В работе, опубликованной в 1893 году, Фрейд описывает разговор с мисс Люси:

– Но если вы знали, что влюблены в директора, почему не сказали об этом мне?

– Я же об этом не знала или, лучше сказать, не хотела об этом знать, старалась выкинуть это из головы, больше об этом не думать, и, кажется, в последнее время мне это удалось.

Фрейд использовал случай Люси Р. в качестве иллюстрации своей гипотезы о том, что для появления симптомов истерии «идея должна быть намеренно вытеснена из сознания». Таким образом, согласно первоначальному определению Фрейда, вытеснение может представлять собой процесс преднамеренного, умышленного выталкивания эмоций, идей или мыслей из сознания.

Мне стало интересно, что бы сказал Фрейд об Эйлин Франклин, которая заявляла о наличии у нее другого вида вытесненных воспоминаний – воспоминаний, которые были вытеснены

⁷ Цит. по: Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. И. В. Розанова, И. В. Силаевой. М.: Академический проект, 2001.

⁸ Цит. по: Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.

⁹ Цит. по: Фрейд З. Собр. соч. в 26 т. Т. 1. Исследования истерии / Пер. С. Панкова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2005.

из сознания совершенно *неосознанно*. Укладывался ли ее случай в теорию Фрейда или же представлял собой современное отклонение от его абстрактных представлений о работе человеческого разума? Продолжая искать информацию, я наткнулась на замечательную статью Мэттью Эрдели «Не будем обходить молчанием вытеснение воспоминаний: на пути к когнитивной психологии вытеснения» (Let's Not Sweep Repression Under the Rug: Toward a Cognitive Psychology of Repression). По мнению Эрдели, первоначальное представление Фрейда о вытеснении как о намеренном, осознанном акте полностью игнорируется современными теоретиками и практикующими врачами, которые настаивают на том, что вытеснение всегда действует как неосознанный защитный механизм.

В отношении этого вопроса установилось почти полное единодушие... Считается, что все защитные механизмы без исключения действуют неосознанно. Это мнение столь широко распространено, что к настоящему моменту большинство теоретиков воспринимают его не как гипотезу, а как неотъемлемую часть определения этого явления.

Эрдели провел неофициальное исследование среди студентов, чтобы выяснить, насколько часто, как им самим кажется, они сталкиваются с вытеснением воспоминаний (осознанным или неосознанным). Восемьдесят пять из восьмидесяти шести студентов сообщили, что пользовались механизмом «осознанного вытеснения», определяемого как «удаление болезненных воспоминаний или мыслей из сознания с целью избежать психологического дискомфорта». Кроме того, большинство участников могли назвать особые конкретные *неосознанные* механизмы, которые они использовали для того, чтобы вытолкнуть те или иные образы из сознания. По словам Эрдели, «теперь они сознавали, что ранее неосознанно использовали эти способы защиты». Эрдели пришел к выводу о том, что «существуют почти всеобъемлющие доказательства вытеснения».

Итак, подумала я, что же мы имеем? На мой взгляд, то, что Фрейд использовал как метафору (поэтический образ эмоций и переживаний, похороненных в секретном, недоступном отделе разума), было истолковано буквально. Фрейд говорил о вытеснении аллегорично, используя замысловатую историю в качестве иллюстрации того, насколько непостижим и загадочен человеческий разум. Мы, современные люди, запутанные этой метафорой и склонные понимать все буквально, вообразили, что сможем просто взять бессознательное и разобраться в нем. И появилось утверждение, что целые воспоминания можно похоронить на многие годы, а затем вытащить на свет божий совершенно целыми и невредимыми.

Фрейда увлекали сложные взаимодействия сексуальных и агрессивных чувств, желаний, фантазий и импульсов, берущих начало в детстве, их способность оказывать патогенное влияние во взрослом возрасте (он всегда подчеркивал вытесненное *эмоциональное* содержание детских переживаний), однако современные психиатры отправились в путешествие за буквальной, фактической правдой. Мы поймали бабочку идеи, прикололи ее булавкой к стене и умертвили в ходе анализа. Неудивительно, что некоторым из нас интересно, почему она не летает.

Но по-настоящему серьезные проблемы начались, когда практикующие врачи решили изменить формат академических споров о природе вытеснения и обратиться к широкой аудитории. Так, Сью Блум в книге «Тайные жертвы» уверенно заявляет, что вытесненные воспоминания служат хранилищем неосознанных моделей поведения, типичных для всех жертв инцеста:

У жертв инцеста складывается набор типичных моделей поведения, призванных хранить их секрет... эти модели не просчитаны и даже не осознаются ими. Они становятся автоматизмами и с годами почти превращаются в часть личности. Жертва отрицает, что ее насиловали, вытесняя воспоминания о травме. Это первое проявление «секрета»: инцест

становится секретом, который человек хранит от самого себя. *Вытеснение в той или иной форме практически повсеместно проявляется среди жертв incesta.*

Было продано более полумиллиона экземпляров книги «Мужество исцеления», которая стала своего рода библией для тех, кто стремится оправиться от пережитого насилия. Во вступлении к этой книге одна из ее создательниц, Элен Басс, уведомляет читателей о том, что у нее нет «академического образования в области психологии» и что «никакие из представленных в книге идей не основаны на психологических теориях». Дав такое предупреждение, авторы затем формулируют очень конкретные советы в отношении вытесненных воспоминаний: «Если вы не можете вспомнить конкретные случаи [насилия]... но все же чувствуете, что вы ему подвергались, вероятно, так оно и было». За этим непозволительным обобщением следует раздел под названием «Но я ничего не помню», в котором читателю рассказывают: его чувства могут служить доказательством того, что «что-то произошло», даже если воспоминания все еще не выплыли на поверхность.

Вам может казаться, что вы ничего не помните, но часто бывает, что, когда человек начинает описывать свои воспоминания, проявляется целый спектр чувств, реакций и других воспоминаний. Чтобы сказать «меня насиловали», совсем не обязательно иметь воспоминания, которые могли бы служить доказательством в суде...

Идея того, что воспоминания об inceste начинаются со смутных чувств или образов, которые в конечном счете сливаются в полноценные воспоминания, высказана также и в другой популярной книге для жертв incesta, «Возвращая себе свою жизнь: надежда для взрослых жертв incesta» (Reclaiming Our Lives: Hope for Adult Survivors of Incest). Авторы, Кэрол Постон и Карен Лисон, описывают опыт женщины, у которой были «вытесненные воспоминания» об inceste и которая видела сны о маленькой девочке, катающейся на коньках по замерзшей реке. Во сне эта женщина отчаянно пыталась предупредить девочку о том, что сквозь лед пробираются монстры и змеи, жаждущие ее съесть. Но, как это часто бывает в снах, все ее усилия были напрасны. Через несколько дней пациентка начала вспоминать произошедшие с ней в детстве случаи incesta. Теперь, когда у нее установились «доверительные отношения с психотерапевтом и с участницами группы для жертв incesta, которые могли ее понять и принять», воспоминания полились потоком. «Обычно женщины не сразу связывают свои переживания с incestом, – говорят авторы в завершение этой истории. – Иногда им годами не удается вспомнить, что произошел incest: воспоминания каким-то поразительным образом приходят, когда жертва может с ними справиться».

В книге «Взрослые дети, пережившие родительское насилие» (Adult Children of Abusive Parents) Стивен Фармер связывает тяжесть пережитого в детстве насилия со способностью вытеснять соответствующие воспоминания. «Чем серьезнее было пережитое вами насилие, тем выше вероятность, что вы вытесните из сознания воспоминания о нем». Он предлагает несколько упражнений, призванных помочь читателям «приподнять завесу вытеснения».

Читая эти популярные книги для жертв incesta, я обнаружила, что все они подталкивают меня к одному выводу: если что-то *кажется* вам реальным, значит, оно *и правда* реально, и к черту тот факт, что никаких воспоминаний (а уж тем более доказательств) у вас нет. Как и Фрейд, все эти авторы придают особую важность чувствам и эмоциям, но по другой причине: *поскольку они выступают в качестве симптомов*, свидетельствующих о том, что где-то в глубине подсознания спит воспоминание о насилии и ждет, когда его обнаружат. Если вы (читатель этих книг) думаете, что вас могли изнасиловать, и чувствуете ярость и горе, которыми так часто сопровождаются воспоминания о насилии, вас призывают ухватиться за эти эмоции, как

скалолаз за веревку, и, держась за них, спуститься по скользкому склону подсознания туда, где скрываются давно потерянные воспоминания.

Если пациент настаивает на том, что он ничего не помнит, психотерапевт предлагает ему бесчисленное множество креативных способов подстегнуть память. К примеру, рабочая тетрадь к книге «Мужество исцеления» содержит письменные упражнения для людей, которые считают, что пережили насилие, но не могут ничего вспомнить. Чтобы пробудить спящую память, задействуются чувства стыда или унижения.

Если вы не помните, что с вами произошло, пишите о том, что вы помните. Или о любых имеющихся у вас воспоминаниях, которые сильнее всего связаны с сексуальным насилием, – к примеру, о том, как вы впервые испытали стыд или унижение... Начните с того, что есть. Обычно этот способ помогает найти что-то большее.

Даже ученые предлагают пациентам «угадывать» для того, чтобы вытащить наружу похороненные воспоминания. «Если пациент не помнит, что с ним случилось, предложение терапевта “угадать” или “рассказать историю” может помочь жертве насилия вновь обрести доступ к утерянному материалу», – пишет психотерапевт Карен Олио. Олио описывает опыт одной из своих пациенток, которая подозревала, что подвергалась сексуальному насилию, но не могла вспомнить каких-либо конкретных случаев. Однажды, находясь в гостях, она внезапно испытала сильную тревогу, увидев трехлетнего ребенка. Она не знала, что ее так расстроило, хотя сознавала свое желание сказать этой маленькой девочке, чтобы та не задирала платье. Когда во время сеанса ее психотерапевт попросил ее рассказать историю о том, что должно было произойти с этой девочкой, пациентка в конце концов, дрожа и рыдая, пересказала свои первые воспоминания о насилии. По словам ее терапевта, она использовала возможность рассказать историю, чтобы «обойти существующие в ее сознании блоки». Позже она «осознала, что на самом деле сама была той маленькой девочкой из ее рассказа».

Когда речь заходит о вытеснении воспоминаний, часто подчеркивается целительная сила памяти. Необычен случай Бетси, тридцативосьмилетней женщины, которая страдала от булимии, злоупотребляла алкоголем и периодически занималась членовредительством. В конце концов она оказалась в больнице после пьяного скандала. Поначалу она не считала, что в детстве подвергалась насилию, но после полугода психотерапии начала «вспоминать», как отец ставил ее на колени и заставлял заниматься с ним оральным сексом. Она также помнила, как отец угрожал, что «отрежет ей руки», если она кому-нибудь расскажет. По мнению психотерапевта, ее желание себя покалечить было отражением пережитой в прошлом травмы, проявлявшейся по мере того, как воспоминания о насилии проникали в ее сознание. Бетси постепенно оправилась и перестала наносить себе увечья. «Вновь обретая воспоминания о пережитом в детстве инцесте и обсуждая их с другим человеком, эта женщина углубила свою способность к интимному общению и эмпатии», – такой вывод сделал ее психотерапевт.

Некоторые психотерапевты, похоже, готовы считать любые утерянные и затем всплывшие воспоминания достоверными, какими бы странными они ни казались на первый взгляд. В научно-популярном бестселлере «Мишель вспоминает» (Michelle Remembers) Мишель Смит рассказывает о сеансах психотерапии, на которых ее регулярно гипнотизировали. Спустя несколько месяцев у нее начали появляться «воспоминания» о том, как мать запирала ее, когда ей было пять лет, и о дьявольских сборищах сатанистов. Мишель вспоминала кровавые ритуалы, которые проводил Малачи, одетый в черное санитар-садист, и песнопения и танцы десятков взрослых людей, которые зубами рвали на куски живых котят, разрезали пополам эмбрионов и размазывали их расчлененную плоть по ее животу, насиловали ее крестом, а потом заставляли мочиться и испражняться на Библию. После того как Мишель вспомнила этот и другие случаи ритуального насилия, она обнаружила у себя проявления так называемой «телес-

ной памяти», в том числе сыпь на шее, которую она и ее психотерапевт интерпретировали как отпечаток хвоста дьявола. В книге есть черно-белая укрупненная фотография сыпи Мишель с очень натуралистичным описанием: «Каждый раз, когда она вновь вспоминала, как хвост дьявола оплетал ее шею, на ней появлялось четко очерченное пятно сыпи в форме кончика его хвоста».

Авторы этих популярных книг редко предлагают читателю поискать какие-либо подтверждения или объективные доказательства достоверности восстановленных воспоминаний. На самом деле в популярной литературе ярко прослеживается идея о том, что требования представить доказательства лишь приносят жертве дополнительные страдания. Если пациент выражает сомнения в достоверности его воспоминаний, психотерапевту советуют оценивать эти события как нечто реальное и убеждать пациента в реальности насилия. Не важно, насколько несуразны его воспоминания и какими серьезными и потенциально вредоносными могут оказаться основанные на них обвинения: жертве говорят, что она не должна искать доказательства или подтверждения своим воспоминаниям. Как Басс и Дэвис пишут в «Мужестве исцеления»:

Если ваши воспоминания о насилии до сих пор смутны, важно сознавать, что вас, возможно, станут расспрашивать, стремясь выяснить детали... Вы не обязаны никому доказывать, что вас насильовали.

Проблема и для обвинителя, и для обвиняемого заключается в том, как определить, чем является восстановленное воспоминание: точным отражением реальных событий, смесью фактов и вымысла или полной выдумкой. Психология, несмотря на все достижения последних ста лет, до сих пор не изобрела способа читать мысли. В отсутствие неопровержимых доказательств мы попросту не можем знать, как установить абсолютную «истину». Возможно, именно поэтому Зигмунд Фрейд, Элис Миллер и другие психологи-теоретики раз за разом настойчиво подчеркивали и подчеркивают до сих пор *эмоциональную* правдивость вытесненных воспоминаний, в противовес фактической достоверности их содержания.

Однако в 1970-е и 1980-е годы, когда тема инцеста вызывала острый интерес общества, руководствующиеся благими намерениями практикующие врачи стали ратовать за то, чтобы слепо верить в правдивость восстановленных воспоминаний. Объясняли они это необходимостью поддерживать атмосферу доверия между пациентом и психотерапевтом. К примеру, в одной академической работе, опубликованной в 1979 году, Элвин Розенфельд и его соавторы признают, что очень сложно оценить правдивость рассказов об инцесте, но предлагают психотерапевтам верить пациенту, поскольку недоверие может заставить его бросить сеансы и даже привести к психозу. Несмотря на то что «сложно узнать, является ли рассказ о насилии воспоминанием, выдумкой или смесью первого и второго», пишут авторы, психотерапевту все же следует оставаться «непредвзятым», поскольку «опаснее отмахнуться от реальности, приняв ее за выдумку, чем сделать наоборот». Предполагая, что рассказы пациента об инцесте соответствуют истине, психотерапевт создает «атмосферу доверия, в которой обвинения можно должным образом проанализировать и отбросить, окажись они ложными».

В ситуации личного, конфиденциального разговора пациента со специалистом не так важно, реально воспоминание или выдуманно. Многие психотерапевты полагают, что, если пациент выздоравливает, в сущности, не принципиально, добился он этого, прорабатывая реальный травматичный опыт или травматичные фантазии. Если воспоминание нереально, но кажется человеку таковым, кто вправе сказать, что в некотором базовом, решающем смысле оно все же нереально? Любой лично переживаемый опыт содержит в себе эмоциональную правду-историю, важность которой невозможно и бессмысленно отрицать или преуменьшать.

Однако когда то или иное воспоминание почти двадцать лет спустя внезапно вновь вырывается наружу, не утратив своих красок, осязаемости, звуков, запахов и эмоциональной нагрузки, и на его основании человека обвиняют в убийстве, тогда к достоверности

этого воспоминания следует относиться не менее серьезно, чем к его юридическим последствиям. Эйлин Франклин, попавшая в круговорот неконтролируемых воспоминаний, без конца «видела», как насиляют и убивают ее лучшую подругу, вновь и вновь переживая в своей голове этот ужас. Учитывая, что речь шла о судебном разбирательстве и на весах лежала свобода человека, кто-то обязан был задать скептический вопрос: чем было это избыточное деталями ужасающее воспоминание? Ночным кошмаром, признаком сумасшествия или настоящим, вырвавшимся из подсознания воспоминанием о событиях из далекого прошлого?

* * *

В качестве приглашенного свидетеля-эксперта со стороны обвинения должна была выступать доктор Ленор Терр – психиатр и клинический профессор, специалист по работе с травмированными детьми (она обрела известность благодаря работе с похищенными детьми в городе Чаучилла, Калифорния). Мне было любопытно посмотреть, как она объяснит феномен вытеснения воспоминаний. Я заказала ее недавно опубликованную книгу «Слишком страшно, чтобы плакать» (Too Scared to Cry) и прочитала ее от корки до корки. То, что я в ней обнаружила, меня удивило.

Определения феномена «вытеснения» я в книге не нашла (как и в большинстве академических публикаций на тему травмы и инцеста, этот термин даже не упоминался в указателе), однако мне встретилось определение к слову «подавление» – этот феномен был охарактеризован как «полностью осознанный и, следовательно, не являющийся защитным механизмом». Подразумевает ли это, что вытеснение (которое Фрейд определяет как защитный механизм, с чем согласно большинство современных психиатров) – явление полностью бессознательное? Не похоже. Терр четко и ясно утверждает, что внезапные, стремительно развивающиеся события пробивают барьер защитных реакций ребенка и оставляют «удивительные, чрезвычайно отчетливые вербальные воспоминания, намного более детальные и долговременные, чем... обычные воспоминания». Лишь когда ребенок испытывает травматичные переживания или ужас в течение *продолжительного времени*, включаются его защитные механизмы и начинают влиять на процессы формирования, хранения и извлечения воспоминаний.

Как эта теория травм соотносилась с воспоминаниями Эйлин Франклин? Мне казалось очевидным, что случай Эйлин входил в категорию травм, вызванных «внезапными, стремительно развивающимися событиями», которые, по мнению Терр, должны были оставить в ее памяти глубокий и неизгладимый отпечаток. Терр довольно подробно говорит о природе травматических воспоминаний, а ее теории, казалось бы, подтверждают тот факт, что, если бы Эйлин Франклин видела убийство своей лучшей подруги, она бы его запомнила. «Переживания, связанные с ужасными событиями, оставляют устойчивый ментальный образ», – пишет Терр.

...травматические воспоминания гораздо четче, детальнее и долговременнее обычных... Травмированные дети, как правило, не отрицают, что шокировавшее их событие произошло...

Меня особенно поразило, что Терр сравнивает разум травмированного человека с камерой, оснащенной дорогими линзами и устойчивой к коррозии пленкой:

Воспоминание о травме – это снимок, сделанный при более ярком освещении, чем обычное воспоминание. При этом пленка, похоже, не разрушается так же быстро, как обычная. Используются лучшие линзы, которые способны ухватить мельчайшие детали – каждую линию, каждую морщинку, каждую веснушку.

Такой анализ совершенно не соответствовал результатам моей лабораторной работы по изучению разрушительных эффектов стресса и травмы. Я провела более двадцати исследований на эту тему, и большинство из них подтверждают теорию о том, что стрессовые переживания подрывают работу памяти. Давайте воспользуемся аналогией доктора Терр и представим, что наша память функционирует как дорогой фотоаппарат с высокочувствительными линзами и сверхпрочной пленкой. Далее предположим, что освещение всегда оптимально. Что происходит, когда человек испытывает стресс? Он может забыть плотно закрыть заднюю крышку фотоаппарата, и в результате пленка оказывается засвечена. Или же он отматывает пленку назад и забывает ее вынуть, снова и снова щелкая затвором и накладывая изображения друг на друга. Или забывает снять крышку с объектива. Или у него так сильно дрожат руки, что снимки получаются размытые и нечеткие. Или он фокусируется на одной центральной детали – скажем, на пистолете – и сохраняет воспоминание о ней, забывая все остальные подробности. Я имею в виду, что не важно, насколько качественно оборудование вашей памяти: испытывая стресс, человек часто забывает, как им правильно пользоваться.

Сторона обвинения утверждала, что мои лабораторные изыскания имеют мало отношения к реальной жизни. В ходе психологических экспериментов мы не похищаем участников и не подвергаем их пыткам. Мы не можем приставить к виску человека заряженный пистолет или попросить его поднять автомобиль весом в тонну, который вот-вот раздавит его ребенка. Мы не можем пригрозить участнику тем, что он потеряет любовь всей своей жизни, или заставить его испытывать постоянный неизбывный страх за свою жизнь. Ситуации, которые мы симулируем в лаборатории, не вызывают таких сильных переживаний, как многие травматические события реальной жизни.

Однако экспериментальные психологи могут исследовать базовые процессы формирования, хранения и извлечения воспоминаний, чем мы и занимаемся, а полученные нами данные, задокументированные и опубликованные, можно обобщить и применить к реальным жизненным ситуациям. Кроме того, как мне казалось, и результаты моих экспериментальных исследований, демонстрирующие, что стресс может негативно повлиять на точность и детальность воспоминаний, и описанные доктором Терр клинические случаи, показывающие, что травматические события создают «постоянные ментальные образы», говорили об одном: рассказ Эйлин Франклин нельзя считать достоверным и точным. Если воспоминание может ослабнуть и разрушиться под воздействием стресса (и, разумеется, времени), тогда почему картина, представшая перед Эйлин Франклин спустя двадцать лет, была столь поразительно красочной и детальной? Если, как заявляет Ленор Терр, травматические события оставляют четкие, детальные и долговременные воспоминания и если, как считает она же, травмированные дети «не склонны слепо отрицать» их реальность, тогда как Эйлин смогла вытеснить воспоминание об убийстве Сьюзан Нейсон из своего сознания почти на двадцать лет?

* * *

Запутавшись еще больше, я позвонила адвокату защиты Дагу Хорнграду. «Вы не в курсе, как доктор Терр планирует объяснять свои собственные недавно опубликованные утверждения о формировании постоянных неизгладимых воспоминаний у травмированных детей?» – спросила я.

Он был в курсе. Оказалось, что доктор Терр недавно дополнила свою теорию. В подготовленной к публикации академической работе она выделила два разных вида психических травм: травмы I типа и травмы II типа. Травмы I типа представляли собой переживания, вызванные коротким единичным событием. Они предположительно вели к появлению ярких, точных и неизгладимых воспоминаний. Травмы II типа вызывались многочисленными случаями или постоянными, непрекращающимися событиями. Термин «вытеснение» фигурировал именно в

описании этого, второго типа травматических переживаний, поскольку, согласно теории Терр, дети, неоднократно подвергающиеся насилию, учатся предчувствовать угрозу и защищаться, включая механизм диссоциации и вытесняя болезненные впечатления из памяти. Таким образом они избегают боли, которую вызывают воспоминания о непрекращающихся травматических переживаниях, и находят способ «нормально» существовать в неизменно стрессовой и жестокой среде.

Хорнград полагал, что сторона обвинения попытается соотнести эти теории с рассказом Эйлин Франклин. Обвинители заявят, что одиночное травматическое событие в жизни Эйлин (присутствие на месте убийства Сюзан Нейсон) произошло на фоне непрекращающихся ежедневных травматических переживаний в доме Франклинов, включавших в себя физическое, эмоциональное и сексуальное насилие. Сторона обвинения собирала свидетелей, которые должны были дать показания о том, что Джордж Франклин и раньше насиловал свою жену и детей. Все эти сведения должны были сложиться в правдоподобный сценарий, который помог бы объяснить, почему разум Эйлин вытеснил воспоминание об убийстве ее лучшей подруги.

Теория Терр, безусловно, заинтриговала меня как гипотеза, но я не знала никаких официальных исследований, которые подтверждали бы идею того, что при сочетании этих двух типов травм механизм запоминания, характерный для второго типа, брал бы верх. Пытаясь найти выход из теоретического лабиринта, я начала понимать, что нет логичного способа выиграть этот спор. Результаты моих лабораторных исследований и экспериментов были бумажным щитом, которым я пыталась защититься от двуглавого дракона травматических воспоминаний. Как я могла бы побороть такого монстра?

Еще больше меня беспокоил тот факт, что сторона обвинения планировала связать предполагаемое сексуальное и эмоциональное насилие в доме Франклинов и убийство Сюзан Нейсон. Не было ни единого криминалистического или научного доказательства того, что Джордж Франклин имеет отношение к убийству Сюзан. Но если бы обвинителям удалось внушить присяжным, что Джордж Франклин был монстром, который насиловал собственных дочерей, то оставался бы один шаг до вывода, что он мог изнасиловать и Сюзан Нейсон, а затем убить ее, чтобы обезопасить себя, и пригрозить единственному свидетелю произошедшего – собственной дочери, что он убьет и ее, если она заикнется хоть кому-нибудь о том, что случилось.

На самом ли деле Джордж Франклин бил свою жену, насиловал детей и вел себя как животное? В контексте этого слушания ответ не имел значения, потому что против Франклина не были выдвинуты обвинения в эмоциональном, сексуальном или физическом насилии. Ему были предъявлены обвинения в убийстве восьмилетней девочки. Педофил может быть монстром, но это еще не делает его убийцей.

* * *

В полном замешательстве я вернулась к книге Ленор Терр. Пытаясь проследить логику ее аргументов, я наткнулась на несколько ее интереснейших замечаний о Стивене Кинге, писателе, работающем в жанре ужасов. Почитав книги Кинга и проанализировав его интервью, профессор Терр выделила две главные травмы в его жизни: когда мальчику было всего два года, исчез его отец, а в четыре года он стал свидетелем трагедии на железнодорожных путях. По ее мнению, обе травмы все еще влияют на писателя («Стивен Кинг до сих пор страдает от последствий этих травматичных событий его детства»), о чем говорят его устойчивые симптомы: ночные кошмары, страхи, «чувство безнадежности при мыслях о будущем» и «активное отрицание».

Вывод об отрицании делается на основе неоднократных заявлений Кинга о том, что никакого инцидента на железнодорожных путях он не помнит. Вот версия произошедшего, описанная в его книге «Пляска смерти» (Danse Macabre):

...дело было, когда мне едва исполнилось четыре года, так что меня можно простить за то, что я помню это происшествие только со слов матери.

Семейное предание гласит, что однажды я отправился поиграть в соседний дом, расположенный вблизи железной дороги. Примерно через час я вернулся бледный (так говорит мать) как привидение. Весь остаток дня я отказывался объяснить, почему не подождал, пока за мной придут или позвонят по телефону и почему мама моего приятеля не проводила меня, а позволила вернуться одному.

Оказалось, что мальчик, с которым я играл, попал под поезд (мой приятель играл на путях. А может быть, просто перебежал через рельсы; только много лет спустя мама рассказала мне, как они собирали части трупа в плетеную корзину). Мать так никогда и не узнала, был ли я с ним рядом, когда это случилось, произошло ли несчастье до моего ухода или уже после. Возможно, у нее были свои догадки на этот счет. Но, как я уже говорил, я этого случая не помню совсем; мне рассказали о нем через несколько лет¹⁰.

Кинг настаивает, что не помнит, как его друга переехал поезд, но Ленор Терр считает, что его разум вытеснил страшное воспоминание. В подтверждение она заявляет, что четыре года – «это слишком много, чтобы говорить о полной амнезии из-за возрастной незрелости». Терр имеет в виду детскую амнезию – неспособность взрослых помнить события, которые происходили с ними до двух-трех лет. Поскольку Кингу было четыре, когда погиб его друг, а детская амнезия в основном заканчивается в три года, Терр настаивает, что он должен помнить хоть *что-нибудь*. Кроме того, продолжает она, Кинг демонстрирует несколько красноречивых симптомов, указывающих на то, что он был свидетелем этого несчастного случая: в тот день, много лет назад, он пришел домой бледный как смерть, отказывался разговаривать весь остаток дня, а сейчас, в настоящем, он постоянно заново проживает старую травму в своих полных ужаса романах, где описываются поезда, машинисты которых теряют управление, автомобили-убийцы и взрывающиеся пожарные гидранты. Она также находит доказательства в выдуманных персонажах Кинга из книг «Оно» и «Кладбище домашних животных» с их провалами в памяти и обрывочными воспоминаниями. Это, по мнению Терр, «ближе к реальному опыту автора, чем его автобиографическое заявление о полной амнезии».

Другими словами (если я правильно все это интерпретировала, поскольку я и правда слегка запуталась), несмотря на то что, по словам самого Стивена Кинга, он ничего не помнит об этом чрезвычайно травматичном событии, он, безусловно, видел, как его друга переехал поезд, поскольку у него проявляются симптомы, характерные для людей, переживших травму, и он постоянно воскрешает свои воспоминания (слишком болезненные для того, чтобы выразить их или признать) в литературных персонажах, которые сталкиваются с этой травмой вместо него.

Теория Терр казалась удивительно логичной, она все объясняла, и я никак не могла ее оспорить. Кто способен документально подтвердить, что Стивена Кинга там *не было*, когда погиб его друг? Пусть сам Кинг не помнит этого события, но где доказательства, что оно не случилось на его глазах? Те же аргументы можно с легкостью применить к делу Эйлин Франклин. Если Терр с полной уверенностью заявляла, что Стивен Кинг видел, как его друга переехал поезд (хотя и не помнит этого), поскольку у него есть определенные симптомы, тогда

¹⁰ Пер. О. Э. Колесникова.

сколько всего она могла бы сказать об Эйлин Франклин, которая не только приняла ее теорию, но и попросила, чтобы Терр выступила в суде на ее стороне?

* * *

Разумеется, Терр приводила в пример Стивена Кинга, давая показания по делу Франклина. Она рассказала присяжным об одной реальной встрече: однажды ей довелось услышать разговор за соседним столиком в кофейне отеля. Мужчина объяснял, что ему необходимо убивать людей в своих книгах и фильмах, «потому что на самом деле это часть [его самого]». Тем мужчиной, конечно же, был Стивен Кинг. Терр обобщила суть истории для присутствующих на заседании: «Человек, переживший травму, никогда не перестанет так себя вести, теперь это его естественная модель поведения. И он может не осознавать, как она связана с травмой, но она существует, и человек продолжает ей следовать».

С помощью этой увлекательной истории Ленор Терр показала, что вытесненные воспоминания Эйлин Франклин, в сущности, не были чем-то из ряда вон выходящим. Поскольку Стивен Кинг все еще ничего не помнил, он не сознавал, что его повторяющаяся модель поведения была сформирована детской травмой, а вот Эйлин Франклин, которая восстановила свои травматичные воспоминания, смогла увидеть, насколько сильно они на нее повлияли. Писателя и домохозяйку объединяли трагические события из раннего детства – опыт настолько болезненный, что их разум заблокировал его, вытолкнув эти воспоминания в подсознание. В течение многих лет сохранялись только симптомы, навязчивые модели поведения, которые навсегда поставили на них клеймо с диагнозом – «переживший травму».

Этим диагнозом можно было объяснить все странности и специфические особенности личности Эйлин Франклин. Да, она соврала, что была под гипнозом... но это можно понять, ведь она *пережила травму*. Да, она употребляла наркотики и ее арестовывали за проституцию... но такое поведение объяснимо, ведь она *пережила травму*. Да, она не помнила об убийстве двадцать лет... но это защитная реакция, свойственная *пережившим травму*. Все, что защита могла сказать, чтобы подорвать доверие к Эйлин Франклин как к свидетелю, ничего не стоило назвать очередным симптомом первичной травмы, которая оставила глубокий и неизгладимый след на ее психике.

* * *

Я встала за свидетельскую кафедру во вторник 20 ноября 1990 года и на протяжении двух часов рассказывала о своих экспериментах, посвященных искажению воспоминаний. Я объясняла суду, что воспоминания со временем угасают, теряя детальность и точность. Слабые воспоминания постепенно становятся все более уязвимыми из-за информации, полученной после события, – из-за фактов, идей, умозаключений и мнений, которые воздействуют на свидетеля все это время. Я рассказала присяжным о ряде проведенных мною экспериментов, в ходе которых я показывала участникам шокирующий псевдодокументальный фильм об ограблении. Фильм существовал в двух версиях, в финале одной из которых ребенку стреляли прямо в лицо. Участники эксперимента, смотревшие версию с шокирующей концовкой, допускали гораздо больше ошибок в пересказе, чем те, кто смотрел версию без нее.

Я объясняла, что этот эксперимент демонстрирует, как искажения появляются на стадии формирования воспоминаний – когда происходит некое событие, и информация о нем откладывается в системе памяти. Другие исследования посвящены стадиям сохранения и извлечения воспоминаний – тому, что происходит, когда вас просят вспомнить о чем-то спустя какое-то время. Сотни экспериментов, в которых приняли участие десятки тысяч человек, показы-

вают, что полученная после события информация способна внедряться в первичное воспоминание, загрязняя, искажая и подменяя его содержание.

Я описала проведенный мной эксперимент, в ходе которого испытуемым показывали фильм об ограблении со стрельбой, а затем – телевизионную сводку новостей об этом событии, в которой содержались ошибки. Когда участников попросили вспомнить, что произошло во время ограбления, многие из них включали в свой рассказ искаженные детали из выпуска новостей. Как только эти детали приобщались к исходной информации и внедрялись в сознание человека, он начинал считать их достоверными и отстаивать столь же яро, как и те, что запомнил изначально. Как правило, испытуемые отрицали любые предположения о том, что их воспоминания были повреждены или искажены, и с полной уверенностью заявляли, что действительно видели все, о чем рассказывали.

Прокурор Элейн Типтон пыталась убедить присяжных, что мои исследования об искажении памяти не имели никакого отношения к вытесненным воспоминаниям Эйлин Франклин. «Вы изучаете нормальную работу памяти и процесс забывания, ну и что? – подразумевали ее вопросы. – Разве это может что-то сказать о таких экстраординарных случаях?»

– Вам никогда не приходилось изучать вопрос, может ли человек быть не в состоянии с уверенностью опознать своего собственного отца, так? – задала мне вопрос Типтон.

– Не думаю, что мне доводилось участвовать в делах, имевших отношение к этой конкретной проблеме, – ответила я.

– Вы не провели ни одного исследования, – продолжала она, – в котором проверяли бы способность человека извлекать и описывать воспоминания об увиденном двадцать лет спустя. Так?

– Насколько я помню, нет, и в научной литературе упоминается мало исследований, где фигурировал бы столь долгий срок, – сказала я.

– И на самом деле ни в одном из исследований, которое вы провели, не участвовал испытуемый с вытесненными воспоминаниями о событии, свидетелем которого он стал когда-то. Так?

Я признала, что в ходе своих экспериментов изучала искаженные воспоминания, которые не были вытеснены. Мне очень хотелось спросить: как же можно изучать воспоминание, если его не существует, или, по крайней мере, оно не доступно сознанию? Но я сдержалась.

Типтон продолжала твердить, что вытесненные воспоминания не подчиняются общим правилам.

– Основываясь на том факте, что ни в одном из данных исследований не рассматривалось, скажем, влияние информации, полученной после события, на воспоминание, которое не находится в сознании, то есть было из него вытеснено, вы ведь согласитесь, что полученные вами результаты не всегда применимы к вытесненным воспоминаниям?

Я объяснила, что могу лишь делать предположения, но моя гипотеза заключается в том, что полученная постфактум информация может исказить вытесненное воспоминание так же, как и обычное.

Типтон переключила внимание на типы искажения, которые проявлялись во время моих экспериментов. Испытуемых в них, как правило, спрашивали о деталях определенного события; вопрос о том, произошло ли это событие на самом деле, не поднимался. Детали могли быть, к примеру, следующими: «В какой руке он держал пистолет?», «Были ли у грабителя усы?», «Были ли на руках у грабителя перчатки?».

– Но вы никогда не сталкивались с ситуацией, когда испытуемый думал, будто человек, которого ему показали, находился на бейсбольном матче, а не совершал ограбление в магазине, так? – спросила Типтон.

– Насколько мне известно, во время моих экспериментов такого не случалось, – ответила я.

– Итак, в сущности, вы исследовали способность человека воспринимать отдельные детали события, а не саму его суть – то есть событие в широком смысле. Так?

– Это можно назвать первичной целью моих экспериментов – изучение воспоминаний о конкретных деталях события, – ответила я.

И еще раз Типтон подчеркнула, что особое воспоминание Эйлин Франклин совсем не обязательно должно было подчиняться правилам, применимым к обычным воспоминаниям. Поскольку оно было вытесненным, очевидно, что оно могло вести себя как ему вздумается. Ученые не могли его изучить или понять, поскольку вытеснение – это нечто крайне сложное и загадочное, часть бессознательного, один из неизведанных процессов человеческого разума.

Я начинала чувствовать раздражение. В науке все зиждется на обосновании и доказательстве. Мы называем это научным подходом. Ученые не могут просто заявить, что Земля круглая или что мы удерживаемся на ее поверхности под действием гравитации, не представив никаких доказательств в поддержку своих теорий (по крайней мере, если они хотят называться учеными). Научная теория должна быть опровергаемой, то есть, по крайней мере теоретически, могут появиться другие ученые и провести эксперимент, призванный доказать, что Земля не круглая или что вовсе не гравитационное поле планеты удерживает нас на поверхности.

Но как ученый может доказать или опровергнуть бессознательный ментальный процесс, включающий в себя ряд внутренних событий, которые происходят внезапно, без предупреждения и без каких-либо внешних признаков, указывающих на то, что сейчас что-то произойдет, или происходит, или уже произошло? И как ученому доказать или опровергнуть, что неожиданно восстановленное воспоминание представляет собой правду и ничего кроме правды, а не занимательную смесь реальности и фантазий или даже чистейший вымысел?

Пока я находилась за свидетельской кафедрой и отвечала на вопросы прокурора, я начала ощущать на себе силу этого так называемого вытеснения. Я чувствовала, будто нахожусь в церкви и спорю со священником о существовании Бога.

– Вы не провели ни одного исследования, которое подтверждает или опровергает существование Бога, так?

– Нет, я не проводила подобных исследований.

– Полученные вами результаты, которые касаются реального и достоверного, не могут быть применены к неизвестному и недостоверному. Вы согласны?

– Я вынуждена согласиться.

– Ваше исследование концентрируется на определенных деталях, а не на всей картине, не на главной идее. Так?

– Да, это так.

Я начинала понимать, что вытеснение – это философское понятие, требующее прыжка веры. Тех, кто готов на этот прыжок, никакие «научные» доводы не убедят в обратном. Наука, где принято все количественно измерять и обосновывать, остается беспомощной перед мифической силой вытеснения. Зал наполняли люди, которые уже поверили Эйлин, мнения присяжных заседателей и наблюдателей казались predetermined, а мои тщательные научные исследования вызвали лишь раздражение и выглядели необходимым, но неуместным отступлением на пути к предрешенному финалу: признать воспоминания Эйлин Франклин достоверными, а Джорджа Франклина – виновным в убийстве.

Девять дней спустя, 29 ноября 1990 года, началось совещание присяжных заседателей. Они вынесли вердикт на следующий день: Джордж Франклин признан виновным в преднамеренном убийстве.

* * *

Я почти не сомневаюсь, что Эйлин Франклин каждой клеточкой своего тела верит, будто ее отец убил Сьюзан Нейсон. Сцены убийства выглядели настолько яркими и детальными, что просто не могли быть ложными. Со временем эти странные мерцающие воспоминания-вспышки сложились в ясную, почти осязаемую картинку. По мере того как в памяти всплывали кусочки и обрывки воспоминаний, они наслаивались на первичное ядро произошедшего, и постепенно сформировалась сложная, взаимосвязанная система образов, эмоций, переживаний и убеждений.

Однако, на мой взгляд, довольно велика вероятность того, что весь этот вымысел вырос не из фактов, а из туманных веяний снов, мечтаний, страхов и желаний. Сознание Эйлин собрало разрозненные противоречия, завернуло их в упаковку здравого смысла и в момент ослепительного осознания показало ей ясную картину прошлого, которая тем не менее была полностью и абсолютно ложной. История Эйлин – это *ее* правда, но это правда, которой никогда не было.

Доктор Дэвид Шпигель, который также выступал на заседании по делу Франклина со свидетельскими показаниями на стороне защиты, согласен с этим. Шпигель, занимающий должность профессора психиатрии медицинского факультета Стэнфордского университета, считает, что человек может утратить сознательное понимание травматичных воспоминаний благодаря механизму, известному как «диссоциация», который контролирует болезненные чувства, ограничивая доступ к соответствующим воспоминаниям. Но даже если травматичное воспоминание удалено из сознания, определенные симптомы обязательно проявятся. Вот что пишет Шпигель в научной работе, опубликованной после разбирательства:

Исследования показывают, что почти все без исключения дети, пережившие серьезную психологическую травму, считают это событие источником стресса (87 % в одном из примеров), страдают от навязчивых образов [и] страха, что травматичное событие повторится, теряют интерес к повседневной деятельности, избегают напоминаний о случившемся и расстраиваются, когда думают об этом. Отсутствие хотя бы одного из этих симптомов у Эйлин после убийства практически опровергает тот факт, что она действительно стала его свидетелем.

Шпигель делает вывод о том, что «сочетание фантазий и чувства вины за смерть подруги вместе с представлениями о жестокости отца могли привести к созданию ложного воспоминания, в которое она поверила».

Если воспоминание Эйлин ложное (а нам, разумеется, придется смириться с тем, что в этом и других случаях вытеснения воспоминаний мы никогда точно не узнаем, как все было на самом деле), то что же можно сказать о ее психике? «Больна» ли она, то есть психически нестабильна или неуравновешенна? Я так не думаю, иначе нас всех тоже можно назвать больными. Только подумайте, тысячи психически здоровых и умных людей без каких-либо признаков психопатологии с ужасом рассказывают о том, что побывали на борту летающей тарелки. Они четко и ясно *помнят*, как их похитили инопланетяне. А как насчет того, что тысячи адекватных, нормально функционирующих в обществе людей спокойным голосом и с глубоким убеждением рассказывают о своих прошлых жизнях. Они их *помнят*.

У тысяч людей внезапно возникают нарушения в работе лимбической системы. Это часть мозга, которая состоит из коры и связанных с ней нервных центров. Считается, что она регулирует эмоциональные реакции. Когда нейроны в мозге дают сбой, люди рассказывают, что видели кого-то из давно умерших близких или, что еще страшнее, Бога, Деву Марию или

Сатану. Эти впечатления могут запечатлеться в мозге в качестве воспоминаний, которые при воспроизведении вызывают сильнейшие эмоции.

Жившая в XII веке монахиня Хильдегарда Бингенская мимолетно узрела в своих видениях град Божий среди мерцающих огней, ангельских ликом и сверкающих ореолов. Действительно ли ей было позволено увидеть при жизни Царствие Небесное? Современные эксперты считают, что божественные откровения Хильдегарды были вызваны мигренями. Клинический невропатолог Оливер Сакс пишет в своей книге «Мигрень»:

[Видения Хильдегарды] являют собой уникальный пример того, как банальное, болезненное, неприятное или просто бессмысленное физиологическое событие может у избранных натур стать источником высшего экстатического вдохновения¹¹.

Проповедница в церкви адвентистов седьмого дня Элен Уайт внезапно впадала в транс, закатывала глаза и монотонно повторяла одни и те же фразы и движения. В «видениях» ей открылось, что мастурбация смертельно опасна, парики приводят к безумию, а некоторые расы появились благодаря половым связям с низшими видами животных. Была ли Уайт душевнобольной? Выдумала ли она все это, чтобы обратить большее количество людей в свою религию? В те времена верующие считали ее видения божественными посланиями, сегодня же считается, что они были спровоцированы эпилептическими припадками, которые, возможно, начались из-за травмы головы, полученной в девятилетнем возрасте.

Странные видения, невероятные наваждения, или, другими словами, галлюцинации, не всегда бывают «пророческими». Согласно подсчетам, от 10 до 25 % нормальных людей хотя бы раз в жизни испытывали яркую галлюцинацию – слышали голос, чувствовали запах несуществующих цветов или видели давно умершего близкого человека. Карл Саган, занимавший должность профессора астрономии и космических исследований в Корнеллском университете, говорил, что десятки раз слышал, как мама и папа после смерти зовут его по имени. «Я все еще по ним скучаю, поэтому меня ничуть не удивляет, что иногда мой мозг воспроизводит яркие воспоминания об их голосах», – пишет Саган.

Склонность к галлюцинациям – это лишь особенность человеческой природы. Что такое сны, как не галлюцинации спящего разума? Дети воображают монстров и фей, взрослые настаивают, что к ним прилетали инопланетяне, и приблизительно 10 % американцев заявляют, что они видели привидение или даже два. Эти люди не врут. Они действительно *что-то* видели, слышали, чувствовали или переживали. Но было ли это «что-то» реальным?

Когда пациент начинает описывать сцены из своего детства, наполненные реалистичными деталями и столь сильными эмоциями, словно он прямо сейчас заново переживает события прошлого, психотерапевты (и другие, кому выпала возможность послушать) по вполне понятным причинам бывают впечатлены. Сильные эмоции, физические признаки страха и паники и обилие ярких деталей убеждают слушателя: что-то на самом деле произошло. Мы спрашиваем себя: как можно выдумать воспоминание, а затем подделать такой искренний гнев, страх, ужас или горе? Зачем человеку подвергать себя подобным страданиям?

Но даже если психотерапевт учитывает существование выдуманных воспоминаний, он наталкивается на мучительное противоречие. Ответственные и неравнодушные врачи много трудятся, дабы создать для пациентов безопасную доверительную атмосферу, в которой те открыто выражали бы эмоции и рассказывали правду о своем прошлом. На самом деле умения и рассудительность психотерапевта определяются его способностью извлекать болезненные, глубоко похороненные воспоминания. Как же врачи могут предать доверие пациента (и поста-

¹¹ Пер. А. Н. Анваера.

вить под сомнение свои методы), требуя доказательств того, что извлеченные с их же помощью воспоминания и эмоции правдивы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.